

КАТЕРИНА КОЛЕСНИЦА

Нежеланная невеста
ДЛЯ МАЖОРА

Катерина Колесница

Нежеланная невеста для мажора

«Автор»

2026

Колесница К.

Нежеланная невеста для мажора / К. Колесница — «Автор»,
2026

Никита – мажор, привыкший получать все самое лучшее. И ждал в жены соответствующую глянцевую куклу. Но отец привел ему это. Он смотрел на нее с ненавистью и открыто говорил, что она ничтожество. Даже не подозревая, что через месяц будет искать ее по всей стране. Что будет готов пожертвовать ради нее всем. Вот только она уже не верит ни единому его слову.

© Колесница К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Г	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Катерина Колесница

Нежеланная невеста для мажора

Глава 1

(Никита)

Мажоры. Чего они хотят? Думаете, как и все нормальные люди, любви? А вот и нет. Поуху мне эта ваша любовь, ясно?!

Я молод, на руках новенький диплом из универа, в который я практически не ходил, под жопой кресло руководителя в фирме отца. У меня есть все: теплое место, бабки, семейный коттедж на сорока сотках, друзья, тачки, но нет любви. Не потому, что я такой душевный и ищу одну единственную. Нет! Нет, мать вашу!

Я хочу статусную, красивую, отрихтованную куклу себе домой. Такую, чтобы было не стыдно выходить с ней в свет. Козырять перед партнерами. Чтобы умела делать омлет и принимать коленно-локтевую с прогибом. Все, просто зачетную телку. Много? Я много требую? Да ладно, блин! Серьезно?

А пока вот “это” шло от машины к дому, у меня вся жизнь перед глазами пролетела. Это жуть!

Короче, в сад все это!

— Успокойся, Никит. Я вообще не понимаю, в чем проблема, — давит голосом отец.

Не понимает он. Не понимает?! Или прикалывается надо мной?

— Ты издеваешься? Нет, я просто не пойму, это шутка такая? — конечно же я, мать вашу, психую.

— Нет, не шутка. Я все уже решил. И прекращай истерить. Иначе я решу, что рано подпустил тебя к управлению.

Зашибись, блин. Решил он.

— Нет, ты ее видел? Вот просто... Как, пап?

— Что “как”? — складывает руки на стол и сжимает пальцы в замок. Начинает злиться. А мне терять кресло вот вообще не прикольно. Отдать все управление его заму? Он не семья, он левый мужик, хоть и дальний родственник. Он не заинтересованное лицо. Я должен этим заниматься. Я!

— Как мне это... убожество людям показывать, а? Нет, я все понимаю, ты сказал жениться, я согласился. Против-то никогда и не был, все понимаю. Но мне нужна достойная девушка! Любая, мать его, достойная девушка.

— Она племянница серьезного человека. У нее есть статус, об этом можешь не переживать. Она вполне милая, скромная. Я считаю, что она тебе подходит.

— Подходит??? — взрываюсь. — Что мне подходит, пап? Мелкое пятнистое существо с шибанцой? Ты нормальную найти не мог? Выбирай любую из дочерей партнеров, таких дофига и больше, все тюнингованные, но нет же! Ты это полудохлое недоразумение откуда-то выкопал и притащил! Ты меня видишь? — подскакиваю на ноги. Активно жестикулирую. — Взгляни получше. А вот здесь, рядом, должна быть красотка с длинными ногами и большими сиськами. Вот такая мне подходит. И ты, как мужик, должен это понимать.

— Я все сказал. Свободен.

Капец.

С психом выхожу из кабинета, хлопнув дверью. Нет, это нормально? Жених сына на страхолюдине. Что бы что? Чтобы я домой не хотел? Чтобы кошмарами по ночам мучился, вздрагивал, подскакивал и понимал, что это нихрена не сон? А сколько мне выжрать надо на

ночь, чтобы залезть на такое убожество? Ведро? Бочку? Или чтобы наткнувшись ненароком на нее с бодуна, обделался? Схватил апоплексический удар и пал смертью ни хрена не храбрых?

Как же бесит, мать вашу, а! Ну полно же нормальных, любую, блин, бери! А он “это” откуда-то вынул. Вот что мне с этим теперь делать?

Ааааа!

Даже подниматься в комнату не хочу. Она уже здесь. Он сразу ее притащил к нам домой, в мою комнату. Охрененно, не правда ли? Даже не спросил “Нравится ли тебе, сын, твоя невеста?” На, блин, жри, не подавись. А мне реально хавать, раз он так решил!

Ахтунг, мать его.

Захожу в комнату. Она сидит, как собака побитая на краю моей кровати, сложив руки на коленях. Даже взгляд не поднимает. Правильно, нехрен на меня пялиться. Не для такого убожества родители ягодку растили. Нет, это реально жесть!

Переодеваюсь, швыряя вещи прямо на пол. Игнорию ее присутствие.

Ну да, ладно, какое-то время я буду, допустим, шараться от нее. А потом что? Возбудители жрать и мешок на нее одевать, чтобы для папочки внука заделать?

Где моя футболка, мать ее? С психом выкидываю из шкафа вещи. А, вот же, поднимаю с пола черную футболку и...

— Твою мать, а! — зло оборачиваюсь на эту шугань, что чуть ли не в угол от меня забилась. Показательно снимаю с вещи длинный волос. Ее волос. Уже по комнате раскидать успела, овца. — Еще раз такое... наголо побрею, поняла?

У меня аж челюсти до скрежета сводит.

Кивает.

— Ты разговаривать-то умеешь, мышь подзаборная?

Молчит. Глаза в пол. И я знаю, почему молчит. Потому, что за бабки такие что хочешь сделают. Терпила. Скажу, и ноги мне лизать будет. Только не отмоешься ведь после нее. Но не все так просто! И она не просто терпила. Она охренеть какая продуманная терпила.

Все прекрасно знают, чей я сын, и сколько бабок у нашей семьи. Нет, я не кичусь бабками, просто по факту. И те, кто знает, готов на все, чтобы прилепиться к нам. И вот эта одна из них.

— Ты мне не нравишься, поняла?

Снова кивает.

— Тогда какого хрена ты еще здесь, а? Гордости нет совсем? Или за бабки на все готова? Уродина.

Короче, эта кикимора здесь по собственной воле. Силой ее сюда никто не тянул. Она понимала все прекрасно и сейчас понимает. Вот только деньги не пахнут, да? Она и за деда моего пошла бы, чтобы перебраться сюда. А ей и тут подфартило, отхватила молодого красавчика. А родит, еще и на наследство претендовать сможет. Ни хрена она не скромняжка, она продуманка хитро выделанная. Ну, все ясно, короче.

Зла не хватает.

Нет, она-то понятно, чем руководствовалась. Но батя чем думал? Нахрен он ее притащил мне?

— И ты, короче, свалить все равно не хочешь? — по-хорошему ведь предлагаю откатить этот договорняк между предками.

Отрицательно качает головой.

Кто бы сомневался. Она не дура, с такой темы съезжать, да?

Короче, полный трындец.

— Слыш, плесень, не вздумай тут ничего трогать, поняла?

Кивает.

Овца, блин.

Хватаю с полки плед и швыряю на диван у стены.

— Твое место там.

И выхожу из спальни. Валю к пацанам. Возвращаться сегодня нет никакого желания.

Вот друзья у меня зачетные. И они стопудово со мной дружат не из-за бабок, проверено еще со школьной скамьи. Да, они разношерстные, не идеальные, но любому из них можно доверять.

Сегодня все собираются у Городка, отмечать новоселье. Он как в органы пристроился, быстро хату побольше взял, тачку поменял. Короче, молорик братка, сам крутится. Уважуха прям. Но, ск, язык у него с шипами.

Торможу возле подъезда и выхожу из машины. Но я еще на полном взводе, поэтому пацаны замечают сразу.

— Оси, ты чего такой взмыленный? — хлопает по руке Ромыч. Он самый первый из нас женился. Но он-то по любви, да и все пацаны сами выбирали. А я на отца понадеялся, думал конфетку мне выберет, мне же всегда по жизни доставалось все самое лучшее, поэтому я и тут не сомневался. Вот же подстава!

— Да звездеч, — выплевываю. — Батя с невестой определился, мать его. Неадекват полный.

— Кто неадекват, Валерий Сергеевич? Да ладно, Оси, ты гонишь, — усмехается Городок.

— Ага, я тоже всегда был уверен в том, что он офигенный батя. Но нет. Кончился его адекват. Сегодня утром. Притащил домой жабу пятнистую. Моя невеста, говорит. А там прям фу!

— Да ладно, Некит, ты по-любому преувеличиваешь.

— А вот и нет! — вываливаю все пацанам. — А главное, я ей открыто предлагаю все замять и разбежаться, пока до ЗАГСа не дошло.

— А она что?

— “Нет”, говорит! Конечно нет, пацаны, какая дура откажется от таких благ? Вцепилась в меня, как стафф. Короче, ей пофиг, лишь бы на теплом месте закрепиться. А батя? Вот какого хрена, а? Я что, на клоуна похож? Со мной так можно? Или это он так прикалывается?

— Некит, тормози, сейчас сгоряча дров наломаешь, — давит мне на плечо Даня, усаживая на скамейку. — Полюбас там и для твоего бати тоже выгода есть.

— Да крутил я его мотивы на причинном месте! Вы ее не видели просто!

— Некит, она человек, и она девушка. Это уже плюс, согласись, — как всегда отшучивается Городок. Шутник, блин хренов. — Ну, остальное... Привыкнуть можно. Или шкурку ее что ли сожги.

— Да пошел ты, Арс! Ты себе хрен ли не убожество выбрал, а? Принцессу взял! А ты Ромео? А Ярик? Даник? Че нормальных-то себе все взяли, а? Да вы, мать вашу, хотя бы выбрали! — с отчаянием выкрикиваю. Вот реально бомбит по-полной. — А я даже выбор отцу доверил, потому что знал, что он нормальный, что все по красоте будет. Капец.

Где все свернуло не туда? Какого лешего его торкнуло, что он из кучи конфет перепелиное яйцо выбрал?

— Ладно, Некит, хорош. Пошли похаваем, там девчата стол накрывают, — успокаивает Ромео.

— А после пары стопариков и она красивой покажется, — снова шутит Арс. Да задрал он! Думает, это смешно? Да мне жизнь сломали, а он шутки травит. И он специально это делает. Это у него суть такая, сволочная.

Не сдержавшись, подлетаю на ноги и прицельным выбрасываю кулак ему в челюсть. Арс успевает удачно среагировать. Да, у него теперь реакция отменная.

— Да все-все, Оси, тормози, брат, — вскидывает ладони, угорает, сволочь. — Просто с этой мыслью нужно переспать. А там все не таким уж и страшным окажется.

— Да у меня даже мысленно переспать с ней нифига не получается, — падаю на скамейку сам.

Все, сдохнуть осталось.

— Погнали, Некит, — хлопает Арсений мне по плечу. — Забей, сегодня отдыхаем.

— Арс, я у тебя останусь?

— Без проблем, Оси, ты же знаешь, — даже не злится на мой выпад. Блин, чуть братке не врезал на нервяке. Жесть.

— Сорян, Арс, я реально не хотел.

— Прوماхнуться не хотел? — угорают пацаны, смешно им.

— Забей, Оси, погнали, расслабимся, — даже не злится Арс.

Валим на хату к Городецкому и реально хорошо так, душевно сидим. Я даже на какое-то время отключаюсь от отцовского “подгона”.

Но остаться у Арса не получается, там у него целые события, не хочу в семейное лезть. Поэтому порядком размазанный сливовым концентратом бабушки Арса, я валю домой. Надеюсь, я сегодня все же не совершу акт сожжения волосатой ведьмы.

Глава 2

(Аврора)

Утро начинается с солнечного лучика в мое окно. Но я уже не сплю, наблюдаю за цветком, который дикарем вырос возле каменной стены две недели назад. Его каждый раз то размывает дождем, то чуть не ломает ветром, то нещадно палит солнцем, а он все равно каждое утро раскрывается.

Я бы хотела, чтобы по утрам в доме пахло свежей выпечкой, кофе, цветами. Но в доме дяди пахнет только кожей, деревом, сигарами и, если принюхаться, то еще чем-то затхлым. Словно сам дом болеет изнутри, скрывая гниль за фасадом из итальянского мрамора. Моя небольшая комната под лестницей, это единственное место, где нет этого запаха.

Да, здесь пахнет красками, лаками, старыми книгами и сухими цветами, которые спрятались между пожелтевшими страницами. И это мое любимое место в доме. Здесь я, это просто я, а не чья-то обуза.

На кухне уже гремит посудой помощница по дому Зоя Петровна, ворчливая, молчаливая уставшая женщина пятидесяти лет. Она никогда меня не замечает, как и все в этом доме. Но я уже привыкла. Я вот такое своеобразное привидение, живущее под лестницей.

— Аврора, — раздается голос дяди из гостиной. Нет, он не кричит, но у него такая интонация, от которой у меня всегда все внутри невыносимо сжимается. — Зайди ко мне в кабинет.

Августовское утро сегодня довольно теплое, солнечное, но я натягиваю на себя кофту с длинными рукавами и высоким горлом, юбку, закрывающую ноги почти до щиколоток. Мне всегда холодно, даже если на улице лето.

Прихожу в кабинет и встаю в дверях, не смея поднимать глаза. Дядя не любит, когда я смотрю на него прямо, поэтому замираю и здороваюсь взглядом с носками домашних тапочек.

— Ты думаешь, что я буду всю жизнь расплачиваться за ошибки твоей матери? — откидывается он на кресле.

Я сжимаю руками край кофты. Каждое упоминание моей матери не сулит мне ничего хорошего. А после его несостоявшейся свадьбы он стал еще злее и грубее.

— Ах, да, чем ты можешь думать? У тебя мозгов не больше, чем у нее, — выплевывает, проходясь пальцами по седеющим вискам. — Ты знаешь, сколько я за все эти годы вложил в тебя? Еда, одежда, образование, ты на полном моем содержании.

Едва заметно киваю. Нет, дядя меня физически не трогает. Но морально уничтожает изо дня в день. У него это получается с поразительной способностью. Он филигранно умеет задевать мои самые надорванные струны.

— Молчишь. Правильно делаешь. Твое дело молчать и не отвечать. Мне стоило бы оставить тебя в детдоме, а не давать свою фамилию.

Узцова. Это и мамина фамилия! Да, хочется произнести это вслух, но я никогда не решусь. Спорить или пререкаться категорически нельзя, за этим неминуемо последует наказание. Это лишение еды на весь день и стояние в одной позе до поздней ночи. Особенно тяжело приходится, если хочется в туалет.

Да, моя мама была не идеальной, она страдала зависимостью и быстро ушла из жизни. Но она то единственное, что хранится в моей памяти, как что-то теплое и светлое. Я любила ее.

— Вчера тебе исполнилось восемнадцать.

Да, он знает, когда у меня день рождения. Но ни разу в жизни я не получала от него поздравлений или хотя бы приятных слов, а о подарках и вовсе молчу. После смерти мамы день рождения никогда не был для меня праздником. Скорее лишним поводом напомнить мне, кто я есть в этом доме. Никто. Обуза и лишний элемент в его жизни, которого он стыдится, ненавидит и прячет под лестницей.

— Ты же понимаешь, что я более не обязан тебя содержать? — говорит спокойно, даже лениво. Но за этим может последовать что угодно, это ложное спокойствие.

Киваю.

Мне страшно, очень страшно. Пытаясь сглотнуть, чувствую, как дерет пересохшее горло.

Дядя закидывает ногу на ногу и стряхивает пепел в хрустальную пепельницу. А мне кажется это кошунством, зачем делать такие красивые хрупкие вещи для того, чтобы их использовали под мусор?

Я чувствую, как дядя смотрит на меня, кожей чувствую его прожигающий ненавистью взгляд. Он рассматривает меня так, словно я вещь, над которой думают, стоит ли ее нести на мусорку. Прикидывает, есть ли в ней еще какая-то польза. Но он уже все решил.

— Ты же понимаешь, что тебя ждет за этими стенами, м?

Киваю.

— Правильно, ты никому не нужна. Ты ведь даже с людьми толком разговаривать не умеешь, мычишь себе под нос. Разве что на панель, как твоя мать? Хотя ты даже там никому не сдашься. Не вышла ни мордой, ни фигурой.

Я чувствую, как горят мои щеки. Но не от стыда, нет, от бессилия, от невозможности что-либо изменить. Я ведь действительно не приспособлена к жизни за пределами этих стен. Чему меня учили? Быть тихой, не перечить, не попадаться на глаза. Но этого недостаточно, чтобы выжить за воротами этого дома.

— Но я человек ответственный и великодушный, да Аврора?

Быстро и часто киваю.

— Я не вышвырну тебя на улицу. Я найду тебе применение куда получше. Уже нашел.

Значит, не на помойку. И я догадываюсь, о чем пойдет речь. Я даже видела того мужчину, он бывал уже у нас.

Мое сердце замирает. Я перестаю дышать. Ощущение такое, что сейчас он вершит мою судьбу, не меньше.

— Ты выйдешь замуж.

Вскидываю глаза, и тут же опускаю обратно, поймав его раздраженный взгляд. Значит, я не ошиблась.

— Ты не подумай, я заставляю не стану, у тебя есть выбор, — встает и достает из сейфа все мои документы. — Ты подписываешь документы, выходишь замуж и делаешь все, чтобы там остаться, либо отправляешься в закрытую клинику. Ты же понимаешь, что это означает для тебя?

Да, понимаю, это медленная смерть под какими-нибудь седативными препаратами.

И я знаю, что он не шутит, он никогда не шутит.

— Яблочко от яблоньки. Ты же росла с задержкой в развитии, практически не говоришь, не социализирована. Здесь все указано, — стучит пальцем по папке.

Я умею говорить. Да, мне тяжело находить общий язык с людьми, я и в школе держалась обособленно, а потом и вовсе перевелась на домашнее обучение, дядя настоял. Мне тяжело сблизиться с людьми, но я не больна! По крайней мере, таковой себя не считаю.

Стою, не в силах пошевелиться. В горле ком, в глазах набегающие слезы. Нельзя плакать, он не любит этого. Поэтому не моргаю, чтобы он не заметил.

Замуж...

Что меня там ждет? Наверняка очередная клетка. Но она ведь может оказаться гораздо хуже этой. Может быть, я пожалею об этом дне. Но это пусть крохотная, но надежда, что я выйду за эти двери и смогу выжить.

Я закрываю глаза и представляю, как толкаю тяжелые двери и выхожу из этого дома. Из-за дождя не видно моих слез, он смывает всю тяжесть, пусть и неизвестно так ли это на самом деле.

— Решай быстрее. У меня нет времени на твои сопли.

— Я... — голос срывается и я замолкаю. Сглатываю.

— Что “я”? — раздраженно.

— Я согласна, — шепчу, едва находя в себе силы.

— Что? Не слышу!

— Я все подпишу и согласна замуж, — повторяю громче, но все равно меня едва слышно.

— Вот и умница. Завтра за тобой приедут.

Как? Уже завтра? Начинает меня трясти. Крепче сминаю край кофты своими тонкими пальцами.

— Иди, собирай вещи. И приведи себя в порядок, — скользит по мне взглядом. — Хотя... Что с тобой не делай, чуда не случится.

Выхожу из кабинета, не чуя ног, и прислоняюсь спиной к стене. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Иду в свою комнату. Завтра я уеду отсюда. Не знаю, что меня ждет. Страшно очень. Сажусь на кровать и обнимаю колени. Смотрю в окно на цветочек. Может, и я смогу?

Глава 3

(Аврора)

Машина приезжает за мной ровно в десять утра, как и было оговорено. Черная, блестящая, с тонированными стеклами. Страшно, прикосаться к ней, чтобы не оставить отпечатков на безупречной глянцевой поверхности.

Дядя стоит возле крыльца, заложив руки за спину. Смотрит, как я не уверенно иду к машине с небольшой сумкой в руках. В ней уместилось все, что мне дорого. Больше у меня ничего нет.

— Помни, что я тебе сказал, — бросает он мне в спину. — Обратно дороги нет.

Я не оборачиваюсь. Просто сажусь в машину. Дверь за мной закрывается, отрезая от прошлой жизни. Внутри все еще сдавливает внутренности от страха, слегка тошнит.

Машина плавно трогается и впервые за много лет я чувствую, что моя жизнь изменится. Прямо сейчас. Вот только в какую сторону, я не знаю. Но эта неожиданная перемена хоть чуточку, но вселяет в меня веру в лучшее. Страшно, что мои надежды не оправдаются. Вдруг тот мужчина еще хуже дяди?

Водитель всю дорогу молчит. Лишь только один раз спрашивает, комфортная ли в салоне температура. Я киваю, хотя он смотрит на дорогу и вряд ли это видит.

Мы едем долго, кажется, около часа или полутора из-за образовавшейся пробки. Поглядываю в окно, когда проезжаем разбитые машины посреди дороги. Плохая примета, видеть что-то разбитое на пороге новой жизни.

Когда авария остается немного позади, мы сворачиваем на дорогу с тополями с обеих сторон, начинают мелькать большие дома коттеджного поселка. Машина замедляется, а потом плавно останавливается возле красивых кованых ворот. Они разъезжаются в стороны, открывая вид на дом. Он огромный, светлый, кое-где увитый молодым плющом. Он совсем не похож на мрачный замок дяди. Он кажется живым... Или мне просто очень хочется так думать.

Дверь открывает мужчина в строгом костюме, забирает мою сумку. Провожает внутрь. Я боюсь поднимать глаза, но любопытство пересиливает. Дом очень красивый. В парадной светлый мрамор, белоснежная мебель, кожаный молочный диван, в напольной вазе пушистые сухоцветы и эвкалипт. Здесь пахнет свежестью и яблоками.

— Валерий Сергеевич ждет вас в кабинете, — произносит управляющий и указывает мне в нужном направлении.

Я ступаю, стараясь не шуметь, практически на одних носочках. Мои грубые туфли смотрятся на светлом полу чужеродно. Дверь приоткрыта, там кто-то есть. Я негромко стучу.

— Входите, — раздается низкий голос с грубой хрипотцой. Но он совсем не похож на безгласный тон дяди.

Я вхожу и замираю у порога, по привычке опустив глаза.

— Аврора, — произносит мое имя. — Проходи, садись.

Поднимаю взгляд. Узнаю мужчину. Да, это он был у дяди за последний месяц трижды. Однажды был не один, с каким-то парнем, но я его и вовсе не рассматривала, а второй и третий раз приезжал лишь по разу в неделю. И каждый раз он заинтересованно разглядывал меня, когда я помогала накрывать на стол. Разговоры я не слушала, сразу уходила в комнату.

Я читала о том, что состоятельные пожилые мужчины склонны выбирать себе юных девушек. Мне не казалось это странным, как раз-таки с их стороны все понятно. Но вот почему девушки идут на такое, почему не отказываются, я никогда понять не могла, пока сама не попала в такую ситуацию. У них просто не было выхода. Как у меня.

Хозяин кабинета сидит за столом из светлого дерева, заваленного бумагами, книгами, какими-то чертежами и канцелярией. Мужчина примерно ровесник дяди, ему скорее всего

чуть больше пятидесяти или около того. Но седины в волосах практически нет, как и залысин. Внешность не отталкивающая, хоть он и значительно старше меня.

Сажусь на край стула, сложив руки на коленях.

— Что ж, добро пожаловать, Аврора, — нет, он не улыбается, но в голосе нет раздражения или злости. Это уже радует.

Я перевожу взгляд на руки мужчины и тут же мое сердце сжимается в страхе от неизвестности. На безымянном пальце правой руки у мужчины обручальное кольцо.

Что это значит?

— Станислав Андреевич сказал тебе, почему ты здесь? — внимательно разглядывает меня, словно в первый раз. Хотя он уже видел меня.

Киваю.

— Ты останешься в этом доме.

Снова киваю. Хотя ничего уже не понимаю. Он же женат, зачем ему я? Что на это, скажет его жена? Боже, мерзко-то как!

— Ты милая девушка, немного застенчива, скована. Нет, это не плохо, но тебе все же придется привыкать к общению с нашей семьей. Придется бывать на открытых мероприятиях. Не сразу, конечно, но со временем придется все чаще. Мой сын введет тебя в курс дела и все объяснит.

— Я здесь для вашего сына? — осмеливаюсь поднять глаза.

— Да, Никита наследник, и ему пора брать на себя ответственность. Я решил, что на первых парах женитьба для него необходима. Он с этим тоже согласен.

Валерий Сергеевич встает из-за стола и приглашает взмахом руки на выход. Послушно иду за ним.

Боже, вот я сдрейфила! Сын... Как я об этом не подумала?

— На первом этаже кухня, столовая, гостиная, мой кабинет. На втором спальни. В общем, разберешься. Марии сообщи свои предпочтения в еде, она скорректирует меню. Владу, — кивает на мужчину, что встречал меня, — можешь сообщать все, что тебе необходимо, он выполнит любые твои поручения.

— Спасибо, вы очень добры, — едва слышно произношу. Замечаю, как уголки губ Валерия Сергеевича дергаются в улыбке. Дядя никогда мне не улыбался.

— Твоя комната наверху. Она же комната Никиты. Я считаю, что вам стоит сразу привыкать друг к другу. Брак состоится в любом случае.

Киваю. Мужчина кажется мне приятным и не злым. Во всяком случае, он другой, не похож на дядю. Я чувствую его расположение, его некую теплоту, несмотря на внешнюю строгость.

Пока поднимаемся по ступеням, касаюсь стены. На секунду замираю. Кажется, что дом дышит, не отторгает меня. В груди что-то медленно расслабляется. И я тоже начинаю дышать.

— Никита парень активный, инициативный, думаю, вы будете дополнять друг друга. Правда, он немного вспыльчивый, но сделаем ему скидку на возраст. Постарайся с ним подружиться.

Киваю.

Кажется, все не так плохо, как могло бы быть. Да и Валерий Сергеевич вполне приятный человек. У меня даже немного настроение поднимается. Появляется надежда на лучшее.

— А во сколько прием пищи? — не хочу остаться голодной на весь день.

— Нет, Ава, видишь, ли, я человек занятой, моя жена тоже, у нее благотворительные фонды, у сына еще на налажен график из-за совмещения учебы и работы. И сейчас он еще не все дела принял, которые необходимо. Так что питание у нас, как сейчас модно говорить, интуитивное. Ты в любое время можешь пойти к Марии, она что-нибудь предложит.

Боже, да я в рай попала, не иначе. Так можно, да? Просто поесть, когда захочется?

— Проходи, это комната теперь и в твоём распоряжении. Все что нужно на первое время, тебе подготовили. Остальное можешь списком передать Владу, все организует.

— Спасибо, — киваю.

Прохожу комнату и глазам своим не верю! Она такая большая и светлая! Все в приятных теплых молочно-кофейных тонах с контрастным темно-синим декором. Заглядываюсь на стеллаж-витрину, где за стеклом целая коллекция наручных часов. От старинных, до современных, но механических. Потрясающе! В комнате много солнечного света, который льется из больших окон в пол. Тонкий тюль плавно покачивается из-за приоткрытой двери на террасу. Выхожу и делаю глубокий вдох. Пахнет еще и розами. Вижу чуть поодаль сад, а внизу как раз-таки розы. Очень красиво!

Моя сумка стоит на диване по правой стене комнаты, он большой и кажется очень удобным. Над диваном по всей стене висят постеры с красивыми девушками, некоторые даже обнажены. Замерев, в шоке смотрю на них.

Вдруг внизу раздаются голоса. Один из них принадлежит Валерию Сергеевичу, а второй молодому парню. Прислушиваюсь, подойдя к приоткрытой двери. Кажется, они ссорятся? Я очень боюсь, когда кто-то кричит. Дядя кричит только когда очень зол, а после обязательно накажет меня, вне зависимости от того, кто виноват в его плохом настроении или проблемах. Иногда из-за этого я ненавидела ту девушку, что отказалась от свадьбы. Мне казалось, что будь у дяди жена, он стал бы меньше замечать меня. Стыдно за такие мысли, но они были.

Бранная ругань парня звучит еще эмоциональнее, разносясь по всему первому этажу. Поэтому мои руки снова в страхе сжимают край кофты.

Слышу приближающиеся шаги по лестнице и отскакиваю от двери. Ищу опору и присаживаюсь на край кровати. Вжимаю голову в плечи, опускаю взгляд. В момент становится страшно.

Парень оказывается высоким и плечистым. Но лицо не рассматриваю. Он зол. Выкидывает вещи из шкафа, что-то ищет. Матерится, бросая на меня рассерженный взгляд.

— Ты мне не нравишься, поняла? — выплевывает в мою сторону грубые слова.

Киваю.

Ему не нравится мое присутствие. Я никому не нравлюсь, я привыкла к такому. Парень снова кричит, а я снова киваю. Главное, чтобы он не смел поднимать руку, а с остальным я свыкнусь, не впервой.

— И ты, короче, свалить все равно не хочешь?

Отрицательно мотаю головой. Уезжать отсюда мне не вариант. Либо я здесь, либо дядя меня уничтожит.

Глава 4

(Ава)

К вечеру я осмеливаюсь выйти из комнаты. Спускаюсь в кухню и тихо присаживаюсь на стул, наблюдая за Марией, пока она пританцовывает возле плиты. Она лет на десять моложе Зои Петровны, ей около сорока, но выглядит она хорошо, я бы даже сказала, молодо, за счет красивой фигуры.

— Ты Венера я Юпитер, м-м-м, люди помогите дышать... — поет себе под нос, а я пытаюсь прислушаться. — Ой, господи! — хватается за сердце, заметив меня. — Простите, пожалуйста, я вас не заметила.

— Извините, — поджимаю губы. Ну вот, привидение в деле. И здесь умудряюсь людям мешать.

— Ой, что вы, — взмахивает рукой. — Извиняетесь еще. А хотите теплый салат? Только приготовила, а Валерий Сергеевич даже не поужинав уехал.

— Да, спасибо, — киваю.

— У вас такое имя красивое, — улыбается мне. — Хозяин предупредил о вас. Надеюсь у вас нет аллергии или изощренных предпочтений? Потому что у нас всяких устриц не жалуют. Хотя казалось бы, да? Но если вы скажете...

— Что вы, нет. У меня нет предпочтений, я не привередлива.

— Замечательно, сразу видно, что вы ко двору, — хихикает она. — Хозяйева замечательные люди. Мне здесь очень нравится. Вот и с вами общий язык, видимо, найдем.

Киваю.

— Ой, простите, что-то я все болтаю и болтаю, — умолкает она.

— А Никита? Он тоже хороший? — поглядываю на нее, пытаюсь предугадать реакцию.

— Ой, — отмахивается она и по доброму смеется. — Тот еще сволочуга. Каждый раз меня до инфаркта доводит.

Но увидев мой испуганный взгляд, убирает улыбку.

— Ну, да как и все молодые парни, — пожимает плечами. — Где-то перегибает, где-то за языком не следит.

Это я уже заметила. Но дальше расспрашивать не решаюсь. То, что она вот так просто говорит со мной, еще и о хозяевах, совершенно удивляет. Зоя Петровна вообще со мной не разговаривала, больше ворчала у плиты.

— Вы как-то не очень похожи на племянницу Узцова, — вдруг выдает она.

А я непонимающим взглядом пытаюсь уловить в ее выражении лица, что она имеет в виду. Почему не похожа? А какой я тогда должна быть?

— Привет, Мари, — устало, в кухню входит девушка-подросток лет тринадцати на вид.

— Ариш, какао? — вот так просто обращается Мария к девушке.

— Ой, фу, нет. Налей чай с лимоном. О, привет, — замечает меня. — Ты же невеста Никитоса? Смешное у тебя имя. А я Арина, сестра его.

— Очень приятно, — негромко отвечаю, следя за ее телодвижениями. Они у нее такие свободные, расслабленные.

Взглянув на меня еще раз, теряет интерес и утыкается в телефон.

— Спасибо, — благодарю, Марию и спешу уйти в комнату, чтобы не мешаться и не создавать никому дискомфорт.

— Странная какая-то, — выходя, слышу продолжение их разговора. Это Арина неприужденно бросает.

— Вроде ничего так, — комментирует Мария. А потом они начинают говорить о погоде, и я перестаю их слышать.

Когда начинает темнеть, откладываю книгу и, кутаясь в тонкий плед, устраиваюсь на диване.

Все мысли сейчас о происходящем. Как все сложится? Смогу ли остаться в этом доме? Мне бы хотелось несмотря на слова, которые меня так или иначе ранят. Мышь подзаборная, уродина, плесень. Наверное, я такая и есть. Я слышала, как он кричал отцу, что хотел бы рядом красотку, но получил меня. Мне искренне жаль, что я испортила ему настроение.

Я запомнила его слова не потому что обиделась или не согласна с ними. Просто мне показалось, что его злость была больше похожа на детскую обиду. Словно ему подарили не ту игрушку, какую он просил. Да, я виновата, что ему теперь неприятно, но возвращаться к дяде мне нельзя. Может быть, я смогу быть настолько тихой и незаметной, что он просто забудет о моем существовании. Я умею быть незаметной, это мой главный талант. Я не хотела бы причинять ему неудобства.

Сон уже начинает затягивать меня, когда в коридоре вдруг раздается грохот. Дверь распахивается с такой силой, что ударяется о стену. Я испуганно подскакиваю и вжимаюсь в угол дивана.

От света луны из окна в комнате довольно светло, поэтому мне видно даже его лицо. Никита стоит в дверях заметно покачиваясь. Рубашка на нем распахнута, а в одной руке мужская туфля. Вторая на ноге. И я чувствую себя букашкой, которую он собирается прихлопнуть.

Он вваливается в комнату и захлопывает дверь. Смотрит в темноту мутным взглядом.

— Оппааа, — тянет, щурясь в мою сторону. — А ты еще кто?

Я молчу, дыша через раз. Мне страшно. Хотя Валерий Сергеевич уже приехал с супругой, я могла бы позвать на помощь. Но это в крайнем случае, мне не стоит их тревожить, я должна сама привыкать.

Он делает шаг вперед и спотыкается о край ковра. Взмахнув туфлей, как дирижерской палочкой, чудом удерживает равновесие.

— А ты вообще как здесь, а? — хмурится. — Ааа, постой! Ты же эта... Как тебя там?

— Аврора, — едва слышно произношу.

— Точно, — щелкает пальцами. — Моя эта... — пытается поймать ускользающее слово.

— Невеста. Во, блин. Точно. У меня теперь есть невеста.

Хохотнув, снова взмахивает туфлей.

— А ты че это на моем диване?

— Вы сами сказали, что тут мое место, — прижимаю к подбородку плед.

Хмурится, переваривая информацию.

— А, ну да. Правильно. Слушаешься. Это... — икает, — хорошо. Только плохо, что ты страшная. Но это как бы... не твоя вина. Наверное. Гены, экология, все такое, да?

Киваю.

Его ведет назад и он упирается в кровать. Пытается упасть на нее, но промахивается и соскользнув с края, съезжает на пол.

— Твою мать! — выругивается.

Я прикусываю губу, наблюдая за происходящим. И понимаю, что уже не дрожу от страха. Он такой интересный, вроде даже безобидный. Красивый очень, даже чуточку милый, несмотря на его слова. Похож на щенка, который хотел забраться в коробку, но свалился.

Привстает и забирается на кровать. Ложится поперек, свесив ноги. Закрывает глаза, равномерно дышит. И теперь я могу внимательнее его рассмотреть. Я даже в книгах не встречала таких красивых людей. Он даже красивее, чем мои фантазии о принцах. Хорошо, что он в таком состоянии, лучше сразу понимать, чего бояться. А он даже сейчас кажется не злым. Главное, не обмануться. Пусть лучше так, словами обижает, чем проявляет агрессию.

— Пятнистая? — вдруг произносит он, а я вздрагиваю, не ожидая, что он еще не спит. — Ты не дохлая там вообще, дышишь?

— Да, — шепотом отзываюсь.

— Тц, жесь, — цокнув, вздыхает. — Сколько тебе бабок надо, чтобы ты свалила обратно?

Молчу. Мне не нужны деньги, я просто не хочу возвращаться, мне нельзя.

— Ясно, не договоримся, значит.

Глава 5

(Никита)

Башка гудит похлеще трансформаторной будки, во рту словно опарыши переночевали. Как хреново-то а! Я еще глаза не открыл, а мне уже тошно от этого утра. Или не утра, черт его знает. Со стоном переворачиваюсь и тут же жалею, что пошевелился.

Вспоминаю, почему вчера так нажрался. Ммм, точно, где-то здесь убогая должна быть. Кстати, я вчера ночью вроде даже не обоссался, наткнувшись на нее.

Открываю глаза и с трудом сажусь на кровати. Так я последний раз только на восемнадцатилетие нажирался. Веду не до конца сфокусированным взглядом по комнате. Разбросанные мною вчера вещи аккуратно сложены стопкой на кресле, туфли стоят возле двери, диванные подушки расставлены в ряд. Плед аккуратно сложен. В комнате свежо, дверь на лоджию приоткрыта. О, вот имышь. Сидит в круглом кресле, поджав под себя ноги, и читает какую-то драную книгу.

— Эй, слышь? — бросаю ей.

Вздрагивает и оборачивается. Через стекло вижу ее испуганные глаза. Бесит.

— Минералки холодной мне, живо.

Не торопясь поднимается и входит в комнату.

— Возле кровати, на столике, — отвечает, смотря в пол. Правильно, нечего на меня пялиться.

И правда, на столике стоит бутылка воды и два кругляша ацетилки рядом.

— И кто тебя просил? Думаешь, мне твоя забота нужна? — со злостью смахиваю все со столика. — Думаешь, купишь меня этим?

Молча поднимает бутылку и ставит обратно на столик.

— Еще бы я от тебя что-то принимал. Кто знает, может, ты заразная? — брезгливо киваю на ее руки.

— Это просто веснушки, — пряча руки, тянет рукава дурацкой кофты.

— Ой, все, свали из поля зрения, пока меня не стошнило.

Бесшумно идет на выход и выскальзывает за дверь.

Смотрю на запотевшую бутылку, как на врага. Потом на дверь. А во рту такой сушняк, что глотку дерет. Снова на бутылку.

Да пошло оно все!

Хватаю бутылку, откручиваю крышку и делаю жадные глотки прямо из горла. Разом осушаю всю нольпятку, оставляя лишь на доньшке. Становится чуть легче, жить можно.

Потом закидываю в рот таблетосы и допиваю воду. Швыряю пустую бутылку в сторону двери, за которой скрылась “эта” и падаю обратно на подушку.

Просыпаюсь во второй раз от того, что желудок сводит голодной судорогой. На часах третий час дня. Стягиваю с себя мятую рубашку, в которой уснул, натягиваю спортивные и спускаюсь на кухню.

— Привет, Мари. Жрать хочу, умираю, — цепляю с тарелки ломтик бекона.

— Никита! — хватает полотенце и шлепает меня по голой спине. Не больно, скорее шутиливо. — Сколько раз повторять, чтобы ты не являлся на кухню полуголым, а! И прекрати жрать сырое!

А вот по этому поводу она серьезно. У нее на кухне идеальный порядок. Здесь она правит балом. И следит за нашим питанием. Короче, жрать грязными руками не дает.

Мари с нами уже лет пятнадцать. Мы еще пешком под стол ходили, когда она начала у нас работать. Поэтому мы для нее все еще дети и проказники, которые таскают со стола.

— Глазунью с беконом будешь? Или тосты сделать?

— Глазунью давай. И кофе. Крепкий.

— Чего это ты вчера на автопилоте приполз? — угорает надо мной.

Да, я вчера через дверь для персонала ломился, разбудил ее.

— С горя.

— Что, пятая машина по цвету не подошла к туфлям? — хихикает.

— Если бы. Тачку можно новую купить. А вот отца переубедить — хренушки. Видела, кого он мне притащил?

— Никит, ну, нельзя ж так. Да и хорошая девочка, чего ты? Не как твои эти...

— Ой, все, — отмахиваюсь.

Да, Мари такая. Может и по заднице хлестнуть, и борщом накормить, и мозги вправить. Короче, своя в доску. Ей можно доверять. Она болтать любит, но за эти стены никогда ничего не выйдет.

— Ешь давай, — ставит передо мной тарелку. — И пошевеливайся, у меня сегодня работы невпроворот.

— А че так? Пятнистая еще и жрет много?

— Никита! Не веди себя, как сволота, — прям осуждающе. Ну и подумаешь. Все равно как бесила эта “нечто”, так и бесит. И никто это не переделает. — Ужин у вас семейный, а ты спишь и знать не знаешь?

— Час от часу не легче.

Закидываюсь кофе и валяю в бассейн освежиться.

К вечеру я уже готов снова отстаивать свою позицию перед всем семейством. И если не отец, то все остальные, надеюсь, меня поддержат.

В столовой уже все, кроме пятнистой. Может, ужин в честь того, что она свалила? Тогда это реально надо отметить!

Батя сидит во главе, переговаривается о чем-то с мамой. По правую руку сидит дед, он у нас еще бодрячком, хоть и пистонов вставить уже никому не может. А раньше он сидел во главе, потом передал бразды правления батю. Дальше сидит двоюродный дядька, который зам. Потом я. Напротив Аринка, как всегда, уткнувшись в телефон, скролит ленту. Поднимает на меня глаза, показывает язык и снова втыкается в телефон. Привычная картина.

Но картинка нарушается с появлением “оно”.

— Проходи, Аврора, садись, — кивает ей отец, указывая на место рядом со мной.

Зашибись. Теперь даже жрать спокойно не смогу.

— Не стесняйся, Ава, — с улыбкой подбадривает ее мама. — Это место теперь по праву принадлежит тебе.

— Спасибо, — шелестит пятнистая.

Мари подает ужин. Отец часто обсуждает дела за едой, считает, что так он экономит время, совмещая приятное с полезным. А вот меня теперь это бесит, аппетит пропадает.

— Итак. Во-первых, определена дата свадьбы. Нужно все организовать до конца лета.

— Чего? — зависает моя рука с вилок над салатом. — В смысле? Три недели?

— Две, Никита. Я сказал “до” конца лета, а не в последний день.

Охренеть. Куда орать от возмущения?

— Регистрация в узком кругу, без прессы. Прием устроим позже, когда Аврора освоится.

Ну конечно, о ней он подумал. А обо мне? Мне как осваиваться? Я тупо не успею проработать психологическую травму после такой новости. Эта плесень официально станет моей женой. И будет носить нашу фамилию.

Смотрю на отца, но в его глазах ни капли сомнений, спорить бесполезно.

— Во-вторых...

А, то есть это еще не все? Seriously? Есть еще, чем меня добить?

— Мы поговорили с Авророй, и я очень доволен тем, что у нее есть стремление. Поэтому с началом учебного года она будет учиться в университете. Никита уже там все знает, поможет ей освоиться.

Швыряю вилку на стол. Он меня и там опозорить хочет? Еще и в универе с ней отсвечивать?

— Это перебор! Меня ж там все знают.

— Никита, — шикает на меня мама.

— А потом засунешь ее к нам в фирму? — возмущаюсь.

Нет, реально? Он это сделает? Какая из нее акула бизнеса? Она даже на гупешку не тянет!

— Нет, у Авроры другие предпочтения. Ей нравится живопись. Она хотела бы заниматься реставрацией. Поэтому пойдет на соответствующий факультет.

— Леопардо да Винчи, мать ее, — бросаю, сжав челюсти.

— Никита, не груби! — грубо одергивает дед.

Они все на ее стороне? Серьезно? Да как так-то, а? Семья, блин.

Пятнистая поднимает глаза на отца и с таким благоговением на него смотрит, что аж блевать тянет. Хороша плесень, везде тихо подсуежилась.

— Спасибо, Валерий Сергеевич, — произносит она, а я прям вижу как над ее башкой для всех нимб загорается.

— А Никита поможет тебе там освоиться, покажет что и как.

Двадцать раз, ага. Я гидом не нанимался.

— Никита ей нянька? — комментирует Аринка.

— Респект, систер, — салютую ей. Хоть кто-то на моей стороне.

— Он ее будущий муж, — быстро сворачивает наш мини бунт батя. — Все. Вопрос закрыт.

— Сорян, я вынужден удалиться, плохо себя чувствую, — сил больше нет сидеть тут, рядом с ней.

— Что с тобой? — за чистую монету принимает мама.

— Объелся груш, — толкаю стул и сваливаю.

Глава 6

(Аврора)

И все равно здесь лучше, чем у дяди. Я не вернусь. Да, мне жаль, что Никита недоволен, мягко говоря, и я наверное должна извиниться за то, что решила остаться. Но он со мной не разговаривает, вернее, просто избегает. Я тоже стараюсь не надоедать ему своим присутствием.

Как только на улице светает, я беру книгу и спускаюсь в гостиную. Увлекаюсь так, что совершенно не замечаю, что в гостиной уже не одна.

— Доброе утро, Аврора, — присаживается рядом Нина Дмитриевна.

— Доброе. Простите, я зачиталась.

— Тебе не нужно каждый раз извиняться, хорошо? — улыбается.

Киваю.

— Хорошо. Послушай, я поговорю с Никитой. Он перестанет так вести себя и относиться к тебе неподобающе.

Разве можно заставить человека чувствовать другое? Если он меня ненавидит, если я ему не нравлюсь, разве может быть иначе? Нет, я не думаю. Я вот привыкла к дяде, но полюбить его не смогла. И для меня это было пыткой. И для Никиты это пытка, я его понимаю.

— А тебе я посоветую просто расслабиться и привыкать к новой обстановке. Занимайся тем, чем нравится, читай, рисуй, если есть желание. Вон там есть выход на террасу, а рядом старый кабинет Валерия Сергеевича, он им уже не пользуется. Если пожелаешь, можешь уединяться там. А я распоряжусь, чтобы тебе принесли туда все необходимое. Можешь считать, что это твое личное пространство.

— Спасибо, мне бы очень хотелось, — даже не верю, что ко мне здесь так добры. Почему? Что я им сделала, что они так заботятся обо мне? Я же обуза и совершенно бесполезная.

— Вот и отлично! Напиши список и отдай управляющему, он все организует.

— Мне хотелось бы самой выбрать, — боюсь показаться навязчивой, но мне необходимо потрогать ворс кистей, воочию увидеть оттенки красок.

— Это еще лучше, Аврора. Ты щепетильно подходишь к делу, это похвально. Будь готова к одиннадцати, а я сама сообщу Никите о поездке.

Я могла бы отказаться, сказать, что могу сама, но я не могу. Я не знаю город, не знаю точные адреса спец магазинов.

— И ни в чем себе не отказывай, — подмигивает и уходит.

А я услышав, что в кухне уже напевает Мария, спешу туда.

— Доброе утро, Мария.

— О, ты что, ранняя пташка? Я сделаю тебе кофе или чай, что ты желаешь?

— Что вы, нет, я пришла помочь.

— Помочь? — застывает, вскинув брови.

— Я могу почистить овощи, заварить чай.

— Милая, но это моя работа, а не твоя. Мне она нравится, и мне за нее хорошо платят.

— Извините.

Чтобы более не мешать, я уйду. В комнату тоже не поднимаюсь, пока там спит Никита. А вот посмотреть старый кабинет Валерия Сергеевича мне очень хочется. Поэтому я иду к выходу на террасу и там действительно есть еще одна дверь. Она оказывается приоткрытой, поэтому я вхожу. Здесь почти пусто, стол, стул, и пустой стеллаж. Но мне очень нравится! Аж сердечко в груди трепещет.

За дверью вдруг раздаются шаги, открывается дверь на террасу. Тихо выглядываю в щель. Это Никита вышел и плюхнулся в плетеное кресло.

— Арс, ты сегодня как, на колесах? — говорит по телефону. — Слушай, дело есть. Надо в центр сгонять, сможешь? Да нет, какие гулянки в такую рань. Сам? Не, бро, сам я боюсь, что тачку с моста спущу вместе со всеми пассажирами. Ага, типа того. Серьезно, так руки и чешутся. Лады, бро.

Внутри снова все сжимается. Нет, не от обиды, я запретила себе обижаться на него. Скорее чувство вины. Снова из-за меня он страдает. Я должна что-то сделать с этим, чтобы меньше создавать ему проблем. Возможно, мне нужно становиться немного самостоятельнее, на сколько это возможно. Я буду стараться.

Но в этот раз все же придется ехать с Никитой. Возвращаюсь в комнату и открываю дверцу огромного шкафа. С одной стороны теперь мои вещи, это Нина Дмитриевна постаралась, спасибо ей огромное. Их здесь целая куча.

Провожу пальцами по джинсовой ткани. Дядя разрешал носить только юбки до середины голени или платья по щиколотку. Но многие девушки носят джинсы, и Арина часто ходит в них. Надеть? Или не стоит? В юбке привычнее.

Так, Ава, ты же решила выходить из своей привычной зоны комфорта! Давай, решайся, это важно.

Беру вещи и ухожу переодеваться в ванную. Волосы собираю в хвост. На полке стоят куча баночек и косметика. Разглядываю их, не понимая, что для чего. Хотя... Касаюсь бальзама для губ. Он не такой, каким пользуюсь я, не из вазелина. Он жидкий, слегка с розовым оттенком. Но мой закончился, поэтому наношу тонким слоем этот. Приятный и так вкусно пахнет!

Выхожу из ванной и буквально впадаю в ступор. Даже пошевелиться не могу, вдохнуть не могу. Никита без одежды, в одних боксерах натягивает черные джинсы. А от его движений заметно играют мышцы. Оборачивается. А я вздрагиваю. И даже взгляд отвести забываю, дуриха! И он на пару секунд замирает.

— Чего уставилась? — хватает футболку. — Поехали, у меня мало времени на тебя.

— Извини, — тороплюсь за ним.

— О, а вы куда, в центр? А можно я с вами? — подскакивает с дивана Арина.

— Погнали, все равно потом домой возвращаться, — бросает на меня недовольный взгляд.

Фух, надеюсь, с родной сестрой он машину с моста не спустит.

К дому подъезжает спортивная машина. Я впервые такую вижу. Она выглядит агрессивно, мне даже становится страшно.

— Садись, че встала? — кивает на машину Никита.

Он садится на переднее, а я следом за Аришей сажусь на заднее.

— Арс, вот сюда надо, — показывает парню телефон.

— Это что там?

— Не знаю, мать скинула.

Парень за рулем высокий, даже сидя это заметно. И довольно приятной внешности. У Никиты черты лица чуть грубее. Но и выглядит он поэтому мужественнее.

Замечаю, что парень бросает на меня взгляд в зеркало.

— Оси, представишь, может?

— Аврора, — с неприязнью отвечает, даже не взглянув в мою сторону.

— Арсений, очень приятно, — тянет между сидений мне руку. А я не прикасаюсь. И он тут же возвращает ее на руль. На безымянном пальце у парня обручальное кольцо. Он просто проявил дружелюбие, Ава.

— Она не общительная, — комментирует Арина. — Странная, короче. Но так Некитосу и надо, — смеется, показав брату язык. — А то задрал уже телок своих таскать.

— Заткнись, а! Еще посмотрим, кого тебе всучат в мужа, тогда я поржу.

— Да ладно, вам, нормальная девчонка, — пожимает плечами Арсений и улыбается мне в зеркало.

— Кстати, Арс, знаешь, кто она? — усмехается Никита. — Сейчас вся твоя симпатия неуместная закончится.

Мне и так не по себе, а теперь и вовсе сжимаюсь. Что в этом такого?

— Она племянница Узцова.

— Да ладно? — обернувшись, бросает на меня еще один взгляд, но уже без улыбки на лице.

Ну вот, даже чужой человек, который изначально спокойно ко мне отнесся, теперь хмурится. Почему я всем так не нравлюсь? Почему такая ужасная? Только не реви, Ава, сейчас не место и не время.

Они все болтают о чем-то своем, а я смотрю в окно, пытаюсь больше не вслушиваться в их разговоры.

Уже возле магазина все выходят из машины. Арина убегает в кофейню, а Никита и его друг идут со мной. Пока я выбираю все, что мне нужно, они стоят в стороне и что-то обсуждают.

Я трогаю кисти, оценивая мягкость и упругость ворса.

— Вот, посмотрите эту, она дорогая, но того стоит.

Беру в руки и тут же отдаю обратно, отрицательно мотнув головой. Она дорогая, но не подходит. Беру те, что приглянулись изначально. Еще выбираю краски, растворители.

— Раз вы подходите со знанием дела, рекомендую вам вот эту лампу, — советует продавец.

Но я уже взглянула на лампу, которая осталась в кабинете Валерия Сергеевича, она вполне подходит, хоть и старая. Поэтому снова отказываюсь.

Сложив в коробку все, что выбрала, поворачиваюсь к Никите. Нина Дмитриевна сказала, что он оплатит все, что я выберу.

— Что, все? — выразительно вздергивает он бровь, посмотрев на мои покупки.

Киваю.

Никита расплачивается, а его друг берет коробку и несет к машине.

Тороплюсь за всеми.

— Дальше что? — спрашивает Никита смотря прямо мне в глаза. Они у него очень необычные. Синие, но настолько темные, что издали я думала, что карие.

— Мне больше ничего не нужно, — опускаю взгляд, чтобы не смотреть в его глубокие омуты, там страшно.

— Ник, а ты уверен, что она вцепилась в тебя ради нашего баблишка? — так же безразлично, как и Никита, заглянув в мою коробку, вскидывает на брата удивленный взгляд Арина.

— Заткнись, Арин, ок? — с психом выкрикивает на сестру.

— Арс, скажи этому придурку, он на всех теперь орет!

— Некит, да все ж нормально, чего ты правда? — поставив коробку в багажник, закрывает его.

— Это у тебя там все нормально. А у меня нет.

— Как знаешь, — вздыхает парень. — Че, куда?

— Ну, я бы еще прогулялась по...

— С подружками прогуляешься, — обрывает Никита Арину. — Домой, Арс.

— Псих! — корчит ему рожицу. — Иди сосок потискай, может, отпустит.

— Заткнись, пока я тебя прям здесь не придушил!

— Да хорош, вы чего взяли? Погнались, раз все, — садится в машину Арсений и она снова начинает рычать зверем.

Господи, скорее бы спрятаться в моем маленьком светлом уголке! А если попросить поставить туда диванчик, можно и ночевать там. Но, думаю, мне не позволят. Да и просить

не стану, и так я слишком много сегодня получила. Только это и радует, смогу заниматься любимым делом.

И как только мы возвращаемся, я тут же устраиваюсь в кабинете, притащив сюда кресло-мешок, который организовал мне управляющий. И даже не замечаю, как быстро летит время. А потом и вовсе засыпаю на этом самом мешке.

А просыпаюсь от того, что чувствую чужое присутствие. Открываю глаза и вздрагиваю. Прямо напротив сидит Никита. Как долго он так смотрит на меня? От его пристального взгляда становится не по себе.

— Встала! — приказным тоном.

Подскакиваю на ноги. Он же неспешно поднимается со стула и надвигается на меня медленным шагом. Мое сердце в страхе начинает вырываться из груди.

Глава 7

(Никита)

Как только подъезжаем к дому, пятнистая сваливает, прихватив с собой коробку со всякой фигней. Аринка с видом “я тут самая умная, а вы все достали”, уходит к бассейну. Мы с Арсом остаемся дымить.

— Ну че, как семейная жизнь в новой хате?

Да, Арс у нас тоже теперь счастливый, блин, семьянин. Все пацаны женились. Я вот скоро тоже. Только счастья что-то не наблюдается.

— Норм, — пожимает плечами. А потом лыбу давит, как котяра, которому сметаны больше миски навалили. — Непривычно, но все так... правильно что ли. Короче, конкретно заякорился. От этого спокойно. Хотя нет, опять нихрена не спокойно.

— Родаки Сонькины подгаживают?

— Пытаются периодически, но ты ж меня знаешь, я чистоту люблю.

— Да, на тебя где сядешь, там и слезешь.

— А ты че, подмялся, как я и пророчил?

— Ой, Арс, без твоих подколов тошно. Батя креслом козыряет.

— Нет кресла, нет проблем!

— Хорошо тебе.

Конечно, отказаться от чего-то проще простого, если этого никогда и не было.

— Не спорю, — довольно лыбится. — Если так невмоготу, тоже откажись. Свободная жизнь — она в кайф.

— Че ты сравниваешь, Городок! У вас там Красавчик все по бизнесу рулит. А я у бати один наследник. Да и не хочу я от кресла отказываться. Я к этому и шел, а из-за какой-то плесени все просрать?

— Да нормальная девчонка. Ну, худая, конечно, на мой взгляд. Так гормоны подрихтуешь ей, поправится.

— В каком смысле? — не догоняю.

— Ну, у меня Сонька стабильно прибавляет который месяц.

— Даалаадноо? Арс, ты че, тоже в бати подался? Да ну, не гони!

— Не гоню. Так получилось, — улыбаясь, разводит руками.

— Офигеть.

Я тоже думал, буду радоваться свадьбе, крутой жене, потом красивым детям. Емааа! Да с ней же даже дети будут стремные.

Оседаю прямо на капот. Тру руками лицо.

— Арс, че мне делать?

— Оси, ты загоняешься.

— Ну не нравится она мне, — выплевываю.

— Ты привык идеализировать. У тебя все телки, как с обложки. Да я даже не понимаю, одна и та же это, или каждый раз разная, догоняешь? От того ты и экзотикой баловаться начал. А Аврора твоя тоже необычная, поэтому еще можно покрутить ситуацию.

— На хреновине я крутил такую ситуацию.

— Ладно, Оси, как знаешь. Погнал я, мне еще в долбаный пвз заскочить надо.

— Ага, давай бро, на связи, — жму руку Городецкому и плетусь домой.

В комнате ее нет, слава богу. Заваливаюсь на кровать и врубаю любимый фильм на плазме. Но один фиг не втыкаю, что происходит на экране. Надо проветриться. Поэтому тупо сваливаю в неон.

В клубе днем почти никого, работает чисто кальянка, бильярд, ну и девы, естественно. Развалившись на диванчике, сканирую взглядом одну, потом другую. Красотки, базара нет. Но они разные. Типа цвет волос другой... Зависаю.

— Ты, ты и ты, — оставляю троих, и все брюнетки, чтобы наверняка.

Ищу снова разницу.

“Почему тогда тебя до сих пор никакая так и не вставила?” — вспоминаю слова Арса.

Потому что они все красивые? Как тут выбрать конкретную? Тупо пялюсь на девушек. И правда теперь как будто одинаковые.

Арс, тварь, нахрен ты мне это сказал, а?

— Короче, пофиг. Любая, — отмахиваюсь.

Две уходят, с третьей валим в випку. И ведь реально без энтузиазма шпилю. Хреново дела.

Домой возвращаюсь только к ужину. Мари уже накрывает на стол. Аринка вырядилась, как отморозок, боевой раскрас сделала, еще и прядь цветную воткнула, жесь.

— И нафига ты так вырядилась?

— С одноклассниками в кино идем.

— А клоунский прикид к чему?

— Сам ты клоунский, кретин. Зато я не как все.

— Юношеский максимализм убавь, а то со всех щелей прет, — отвечаю ей подзатыльник.

— Сам убавь! Папа сказал, ты тоже бесишься, потому, что еще не дорос!

— Чего? — офигеваю.

Ну, зашибись. Это до чего я не дорос, интересно? До осознания, что эта плесень подарок судьбы? До благодарности, что мне жизнь сломали? До понимания, что любят не за внешку, а за богатый внутренний мир? Ага, шас! Или это как с оливками и устрицами, понимаешь только после тридцати? С пятнистой также типа? После тридцати проснусь однажды и такой: “О, чудо! Как я жил без этих веснушек и молчаливых взглядов?” Да ну, бред же!

Иду в столовую. За столом уже мама и отец.

— А где Аврора? — предъявляет батя.

— А я откуда знаю? Не пастух вроде, — падаю на стул.

— Никита! Она твоя невеста, — поддерживает отца мама.

Капец.

— Тебя не просят любить ее, — грозно так стреляет в меня батя. — Но хотя бы элементарное уважение прояви. Она теперь член нашей семьи. Встань и найди ее.

Я еще и бегать за ней должен? С психом встаю из-за стола и иду в комнату. Там ее нет. И коробки с ее причиндалами тоже.

Как собаке команду бросил. “Ищи”. А я и бегаю, как придурок. Как же бесит, а!

В доме этой устрицы нигде нет. Я злой иду на террасу. Но торможу, увидев свет из-под двери в старый кабинет отца. Толкаю дверь.

Сидит. Точнее, лежит на мешке, свернувшись калачиком. Возле нее на полу валяется альбом, карандаш откатился к ножке стола. Свет настольной лампы светит ей прямо в лицо.

Делаю шаг внутрь. Дергаю на себя стул и сажусь напротив на расстоянии метра. Сажу и пялюсь на нее, как дебил. Что я такого не могу в ней рассмотреть? Ну, девка. Ну, волосы красивые. Типа сами черты лица вроде тоже норм. Хоть оделась сегодня по-человечески.

Нравится?

Нет. Все равно не нравится, веснушки эти дурацкие, как у ребенка, еще и не только на носу, а по всему лицу, плечам, рукам. Она вся пятнистая! Еще и ростом не вышла. Да у нас Аринка весит раза в два больше этой совсем уж дохлой. У нее ж ни спереди, ни сзади.

Она не дерзкая кошечка, не горячая штучка. Она никакая.

Что в ней батя нашел, а? Ну да, она не уродина, конечно, но и не вау, красотка. Она ж вообще без упаковки. Хотя тут и упаковка не поможет. Если только в паранджу замотать.

Сижу, пляюсь. И че?

Открывает глаза и испуганно шарахается, обхватив себя руками. Вылупилась и сидит, как мышь перед котом.

— Встала! — рывкаю на нее.

Та мгновенно подскакивает на ноги. Съежившись, упирается взглядом в пол.

Подхожу вплотную. Ее длинные ресницы дрожат. Боится что ли? С чего вдруг? Я ж ее пальцем не трогал. Стою, дышу ей сверху в макушку, а она аж в стену вжалась, словно я убивать ее сейчас буду.

Хватаю за подбородок и дергаю вверх, заставляя смотреть на меня.

Глаза светлые, серо-голубые. Губки вот ниче так, пухленькие. Верчу вправо, влево, всматриваюсь. Профиль тоже вроде норм, нос аккуратный. Но все равно не вставляет.

— Для таких, как ты, тоналку придумали, — бросаю ей и отпускаю. — Тебя к ужину ждут, пошли.

Возвращаюсь к столу, сажусь и начинаю жрать, не чувствуя вкуса. Ладно, попробуем договориться еще раз.

Глава 8

(Аврора)

Он так близко, что я чувствую его запах, приятный, хоть и резкий.

Он хватает меня за подбородок, я не ожидала этого. В шоке не могу пошевелиться. Моя кожа тут же леденеет, мне всегда холодно, когда я боюсь. Ударит?

Я смотрю прямо в глаза, он заставляет. А потом рассматривает мое лицо со всех сторон. И я его рассматриваю. Он очень красивый. Нет, не так, он невероятно красивый. Мне рядом с таким не место, он прав. Поэтому он злится. У него отняли выбор. А он действительно достоин его.

— Для таких, как ты, тоналку придумали, — делает замечание, а мне становится неловко.
— Тебя к ужину ждут, пошли.

Отпускает меня и выходит.

Выдыхаю.

Во время обеда он на меня не смотрит, но я чувствую его напряжение кожей. Я заноза, которую он не может вытащить. И чтобы его более не тревожить своим присутствием, я спешу скорее выйти из-за стола, лишь немного перекусив.

— Спасибо, было очень вкусно, я пойду.

Нина Дмитриевна что-то собирается мне сказать, но Валерий Сергеевич уже кивает, отпуская меня.

Иду из столовой, но слышу, как тяжело отодвигается его стул. Тороплюсь уйти.

— Стоять, — догоняет меня в коридоре Никита, схватив за локоть. — Поговорить надо, — бросает и кивает в сторону выхода на террасу.

На улице тепло, солнце уже садится, окрашивая небо в золотисто-розовые оттенки. Вода в бассейне блестит, сверкая серебром.

Никита останавливается и отпускает мою руку. Я замираю, опустив глаза на воду.

— Слушай, Ава, — спокойно, даже как-то устало. — Я хочу, чтобы ты еще раз подумала. Бабки вообще не проблема, я забашляю, сколько скажешь.

— Я не могу, — шепчу, сжимая пальцы в замок.

— Почему? — уже раздраженно.

Но ответить я не успеваю. На террасу выходит Арина.

— О, вот вы где милуетесь! Давайте веселиться, че у вас рожи такие кислые?

И в следующую секунду я чувствую толчок в плечо и не успеваю поймать равновесие. Не удержавшись, лечу в воду, даже не успев вскрикнуть.

Вода заливает нос, рот, уши. Я пытаюсь вдохнуть, но захлебываюсь. Я не умею плавать. Руки беспомощно молотят воду, но я только иду ко дну. Паника поглощает так же быстро, как и вода, в глазах темнеет от ужаса.

Как же нелепо я умру.

А потом чьи-то сильные руки рывком хватают меня.

— Тихо, тихо, давай, — толчки повторяются. И мне кажется, я уже чувствую под собой опору и жесткое покрытие.

— Дыши давай! — шлепки между лопаток.

И я делаю судорожные вздохи, закашливаюсь, выплевывая воду. Дрожу всем телом.

— Ты совсем дура?! — кричит Никита.

— Да откуда я знала, что она плавать не умеет!

Меня подхватывают на руки и... все, дальше я ничего не помню. Только тишина.

— Завтра остаешься дома, — слышу тихий голос Валерия Сергеевича.

— Но мне надо в офис, у меня дела.

— Твои дела сейчас дома. Будь со своей невестой, — как всегда твердо, но не грубо. — И чтобы больше никаких прецедентов.

— Понял, — обреченно.

И все же Никита очень хороший. Может, можно что-то придумать, чтобы он не страдал?

Оказывается, за окном уже очень темно, в комнате горит только настольная лампа. Я даже не думала, что какое-то время находилась не в сознании.

Едва пошевелившись, понимаю, что не на своем диване. На нем, откинув голову, полулежит Никита. Чувствую слабость в теле, но пытаюсь сесть.

— Извини, я сейчас освобожу твою кровать, — произношу не своим голосом, в горле все еще саднит, в груди тяжесть.

Отталкивается, внимательно смотрит на меня тяжелым, изучающим взглядом.

— Зачем ты извиняешься? — с претензией или раздражением.

— Мне не хочется доставлять тебе... неудобства.

Он молчит. Я слышу, как он тяжело дышит. Потом вдруг подается вперед, упирается локтями в колени и изучающе смотрит на меня.

— Ты не сама захотела ехать сюда?

Отрицательно качаю головой. А у самой сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Можно ли такое вообще рассказывать? Думаю, нет. Это опорочит дядю.

— Но сваливать ты не хочешь.

Снова дергаю головой. Нет, не хочу.

Он откидывается на спинку обратно и трет лицо ладонями.

— Короче, бабки тебе бесполезно предлагать, да?

Киваю. Но он не смотрит на меня.

— Я постараюсь не мешать тебе, — тихо произношу, боясь его очередной реакции. Сползаю с кровати.

— Не дергайся, — останавливает меня. — Спи пока там, устрица, блин.

А сам встает и уходит из комнаты.

Падаю обратно и утыкаюсь в его подушку. Она пахнет им.

Никита так и не возвращается. А утром ко мне заглядывает Нина Дмитриевна. На ней светлый мягкий костюм, волосы уже уложены, на лице немного косметики. Она всегда выглядит безупречно.

— Доброе утро, Аврора. Как ты себя чувствуешь? — присаживается на край кровати.

— Спасибо, лучше. Все уже хорошо, ничего не болит.

— Арина обязательно извинится, как вернется домой.

— Она не знала, что я не умею плавать.

— Да. Прости ее, пожалуйста, она подросток и импульсивна. Но она не со зла. Дурацкая шутка с ее стороны, я с ней поговорила. А за Никиту не переживай, он просто показывает характер. Скоро все уладится, вот увидишь, — приглаживает мои волосы. Жест такой простой, но теплый, материнский, у меня даже дыхание на секунду перехватывает. Мне так этого порой не хватает.

— Да, спасибо.

Правда, я не уверена, что Никита привыкнет.

— Ава, я понимаю, что сейчас не лучшее время, но дата приема уже была назначена. И раз ты чувствуешь себя лучше, то вечером вы с Никитой должны быть в ресторане, пора объявлять о вашей помолвке. В будущем это будет плюсом и для тебя.

Киваю.

— Вот и хорошо. Тебе нужно покушать и примерить платье. А через два часа приедет визажист. Будь готова, хорошо?

Снова киваю.

Как быть? Я не могу подвести Нину Дмитриевну и Валерия Сергеевича, не имею права, они так добры ко мне. Но и против Никиты быть не хочу. Не хочу, чтобы он чувствовал себя рядом со мной неприятно, не хочу, чтобы ему было стыдно за меня.

Нина Дмитриевна дарит мне теплую улыбку, поправляет мои локоны и выходит, тихо прикрыв за собой дверь. А я так и остаюсь сидеть в кровати, сжимая в руках плед.

Заставляю взять себя в руки и иду в ванную. Смотрю на себя в зеркало. Волосы спутались после сна, под глазами тени, губы бледные. Действительно ведь не красавица.

Нахожу в себе силы позавтракать. Какое-то время даже успеваю порисовать. После разглядываю платья, которые приготовили для меня. Выбираю нежно-розовое, из струящейся ткани.

Через какое-то время, после стука в дверь, в комнату врывается девушка с серьгой в носу, в рваных джинсах и коротком топе.

— Приветтики, сегодня я твоя крестная фея!

Раскладывает бесчисленные баночки, кисти. Улыбаясь, рассматривает меня.

— Офигеть. Круто!

— Прости?

— Фарфоровый тон с золотистой россыпью. Это обязательно нужно подчеркнуть, — словно не про меня говорит.

— Нет, пожалуйста, — вспоминаю слова Никиты, ему это не нравится. — Я хочу, чтобы их не было видно.

— Что? Это же преступление против природы! Это как Джоконду гуашью покрыть!

— Пожалуйста, — повторяю дрожащим голосом.

Она смотрит на меня, потом на свои кисти, и снова на меня. Разочарованно вздыхает, пожимая плечами.

— Как скажешь, — принимается за дело.

Тональный крем, консилер, пудра, что-то еще, ложатся плотным слоем, перекрывая мои изъяны.

Я смотрю на свое отражение в зеркале. Аккуратно, красиво и совершенно пусто, словно холст, который забыли расписать.

— Ну как?

— Спасибо, — киваю.

Она пожимает плечами и собирает вещи. А я продолжаю смотреть в зеркало и разглядывать незнакомую девушку с моими чертами лица. Теперь ему не будет стыдно?

Глава 9

(Никита)

Вывожу пятнистую на улицу, чтобы поговорить. Не пойму, какого хрена она артачится. Я уже ей и бешенные бабки предлагаю, а она снова мотает своей пустой головой. Да почему, мать вашу?

— Почему?!

Да, злюсь, конечно, уцепилась, как репей за теплое местечко. Думает, повезло, дуре, отхватила мажора при бешенных бабках, с семейной фирмой, а что мне жизнь ломают, это поуху. Бесит. Утопить бы ее прямо тут, честное слово.

И... Будьте аккуратны со своими желаниями, да?

В это мгновение подлетает Аринка, вездесущая мелочь, и с хохотом толкает устрицу в бассейн. Зашибись, может, в хлорке хоть пятна свои отмоет. Я даже поржать успеваю. А она все не вылезает. Смотрю секунду, другую, и тут до меня доходит! Она не всплывает. Устрица – не рыба, в воде хоть и живет, но не плавает!

И когда она начинает заглатывать воду и идти ко дну, я, мать вашу, реально так хапаю животного ужаса. Еще мне утопленниц тут не хватало. Меня ж самого за это вскроют.

Мать твою!

Прыгаю в бассейн и ныряю, пытаюсь вытащить ее обмякшее тело. Тащу к бортику, гребя одной рукой, а в башке только одно: “Только не сдохни”!

Вытаскиваю, переворачиваю на бок. Кашляет, задыхается.

— Скорую, быстро! — рывкаю Владу, который выбежал на шум.

Подхватываю на руки это мокрое, жалкое создание с посиневшими губами. Неожиданно понимаю, что она не весит ничего. Она не просто худая, как бывают модели. Она какая-то пустая, хрупкая. Даже боюсь сжать сильнее.

Опускаю ее тело на кровать, родики уже суетятся, шум подняли. Батя на меня сразу гонит. Ладно хоть Аринка отнекиваться не стала, виновато голову повесила, коза, блин.

Врач приезжает быстро, осматривает, говорит, обошлось, легкие чистые, просто шок. И не только у нее! Капец, блин.

Один хрен получив люлей от бати, сижу на диване напротив кровати и пялюсь. Кожа у нее странная, словно не настоящая, слишком тонкая, слишком нежная. Мокрые волосы по подушке. Как-то не похожа она на хищницу. На куклу похожа фарфоровую, коллекционную, которая с четко проработанными деталями, подвижными шарнирами, как повернешь, так и стоит.

Поворачиваю голову на свой стеклянный стеллаж, разглядываю коллекцию часов. Все они практически эксклюзивные, а некоторые реально в единственном экземпляре. А есть такие, которые сейчас даже за бабки не купишь, потому что не продаст такое никто. Возвращаю взгляд на Аврору.

Так часто бывает с чем-то эксклюзивным и необычным. Сначала отталкивает, а потом присматриваешься и понимаешь весь прикол. Об этом мне Арс толковал?

Да не, не-не! Нахрен из головы всю эту хрень! Она нифига не эксклюзивные часики. Но из головы все не идет. Так и зудит на подкорке. Нет, бред! Не может она понравиться мне! Она стремная.

Через часа три она открывает глаза и пытается сесть.

— Извини, я сейчас освобожу твою кровать, — еле слышно шелестит она.

— Зачем ты извиняешься? — бесит меня ее тон. И то, что она рушит мое убеждение. С хрена ли она тут в извинениях напрасно рассыпается? Другая бы воспользовалась этим, а эта еще и кланяться готова. Не стыкуется как-то. Какая из нее акула? Так, устрица.

— Мне не хочется доставлять тебе неудобства, — вжимает голову в плечи.

Молчу, пытаюсь переварить. Смотрю на не в упор, а она даже глаз не поднимает. Не нравится мне эта картинка, на хреновые мысли навевает. Да ну! Блин, реально?

— Ты не сама захотела ехать сюда?

Утвердительно кивает головой. Хреново.

— Но сваливать ты не хочешь?

Снова дергает головой, не хочет. Еще хреновей.

Зашибись. Просто зашибись. Ее загнали что ли сюда? Ну, ок, браки по договору не всегда всем нравятся. Почему назад не хочет? Все так фигово?

От бабок тоже отказывается. Значит, причина есть.

Емааа!

Нет, нет, нет, Никита Валерьевич, это вот ни разу тебя не касается, пофиг на ее проблемы! У тебя свои есть, вот их и разруливай!

— Я постараюсь тебе не мешать, — тихо выдает.

А меня бомбит. Нахрен вот так, а? Ну типа она жертва, а я теперь такой весь твареныш, выходит, да?

— Не дергайся! — валить надо, пока не докатился до того, чтобы ей еще и сочувствовать начать.

Встаю и выхожу из комнаты. Херня какая-то в башке.

Накидавшись на кухне виноградных запасов бати, ночью сегодня в гостевой комнате. Родители запретили, но сегодня мне пофиг. Я должен абстрагироваться от всего этого. Сразу уснуть не получается, перед глазами ее хрупкое тельце и приоткрытые губы. Нет, она вообще не про секс, она про что-то другое. Про то, что пацаны мне пытаются втирать. А мне это нифига вот не нравится! И эксклюзив мне этот не зашел. Открываю фотки с каталогом красоток и листаю, дохрена листаю. Все они мне раньше нравились, сейчас-то что? Выбрать не могу. Не потому, что все нравятся, а потому, что все они... не экзотика. Реально на одно лицо. Красивое лицо но...

Среди сотни фоток нахожу только одну модель с телом, покрытыми веснушками. А на нее ценник тройной. Но мне у нее черты лица не нравятся. У моей устрицы даже лучше. И волосы шикарнее. И... Да блиин...

Нет, она и по характеру мне не нравится, она же никакая, серая, плесень, одним словом. На нее же без слез не взглянешь. Нафиг мне такая ущербная? Засмеют, нахрен. Это же униЗИтельно, такую в свет выводить.

А из головы один черт не выходит та модель пятнистая. Объективно ведь устрица даже симпатичнее.

Утром просыпаюсь с головной болью. Батя уже выдал разнарядку на день и свалил. К вечеру я должен быть огурчиком. А я вот вообще не хочу. Как представлю, что мне светиться перед всеми с “этой”, аж тошно становится.

Надо бы освежиться, чтобы прийти в себя. Чалю к бассейну и торможу возле старого кабинета бати. Дверь приоткрыта, а за столом, спиной ко мне сидит Ава и что-то увлеченно и сосредоточенно рассматривает. А над столом висит портрет молодой женщины карандашом, который она рисовала еще в прошлый раз. Красиво.

Толкаю дверь, распахивая шире. Замечаю старый портрет моей бабушки в потертой раме. После того, как его повредили рукожопые клинеры, пришлось убрать. Наверное кто-то из родителей уже ей его доверил. Зря, до конца испортит же.

Молча сваливаю в бассейн, потом забираю свои вещи для вечера из комнаты и опять ухожу в гостевую. Выползаю оттуда только перед выходом.

Как и обещал родителям, весь с иголочки. На мне черный лук от итальянского дизайнера, сшитый на заказ, на руке эксклюзивные часы, которые стоят, как боинг. Выгляжу на все сто, только вот настроение на нуле.

Уже представляю, как все шепчутся, в ожидании увидеть ту самую, на которой женится Осипов-младший. И как вытянутся их лица, когда они увидят “это”. Мама, конечно, постарается ее упаковать, но там во что ни заверни, все... плесень.

Стою, жду устрицу, засунув руки в карманы брюк, пялюсь на ступеньки. Где она там лазит, нас уже ждут.

Наконец-то по лестнице раздаются легкие, почти не слышные шаги.

— Давай быст... — поднимаю глаза и охреневаю!

Сначала в глаза бросается тонкий силуэт в легком воздушном платье. Она словно статуэтка. Волосы рассыпью до самой поясницы, тонкие запястья, испуганный взгляд.

Стою и пялюсь, как debil. Это устрица? Реально она? Блин, красивая.

Вот только... Я щурюсь, пытаюсь понять, что не так, чего-то не хватает. Какая-то она... Вглядываюсь в ее лицо. И тут до меня доходит.

Веснушек нет.

Замазаны плотным слоем тоналки. И мне это почему-то ни черта не нравится. Стремно же.

— Что это? — рявкаю на нее.

Она вздрагивает, испуганно хлопает ресницами.

— Я хотела, как лучше. Ты говорил...

— Да мало ли что я говорил! — выхожу из себя.

Да, говорил. Но какого хрена она послушалась? Своих мозгов совсем нет? Нравится, не нравится, под всех подстраиваться теперь будет? Бесит!

— Иди смой это! Живо!

Она смотрит на меня круглыми глазами, не понимая. А я и сам, мать вашу, себя не понимаю! Почему меня так выворачивает? Реально же сам просил.

Да, красиво, но это не она. Просто милая красотка, на которую приятно посмотреть. Но не более. А мне этого мало! Взгляд больше ни за что не цепляется. Звездец...

Она разворачивается и, подхватив полы платья, бежит наверх.

Я остаюсь внизу. Внутри меня все кипит, пока я меряю шагами холл. Сам не пойму, что со мной.

Бесит! Бесит! Бесит!

Одним взмахом с декоративной подставки летит подсвечник, диффузор и прочая хрень.

— Никита Валерьевич? Что-то случилось? — прибегает на шум управляющий.

Выдыхаю, одергивая пиджак.

— Упало, — киваю на разлетевшиеся вещи. — Пусть уберут.

Ава спускается минут через десять. Лицо чистое, осталось лишь лишь немного туши и блеска на губах.

Смотрит на меня с недоверием, как на сумасшедшего. И так оно и есть. Сам загнобил ее за эти веснушки, сам заставил вернуть обратно. Логика? Не, не слышали.

Нет, но объективно же, без веснушек своих она вообще плоская.

— Поехали, — бросаю и иду к двери.

Чего меня так перемякнуло-то?

Глава 10

(Аврора)

Тру лицо ватным диском и плачу. Веснушки возвращаются, проступая сквозь остатки макияжа, как старая картина сквозь пожелтевший лак.

А чего я, дурочка, хотела? Думала, понравиться ему? Никогда этого не будет. Только посмотри, какие девушки ему нравятся! Все стены в красавицах. А теперь на себя посмотри.

Зато так честно! И он прав, кого я обманываю? Чего хотела? Чтобы он посмотрел на меня другими глазами? Посмотрел. Довольна? Он знает правду, нечего ее скрывать и от других.

Даю себе две минутки успокоиться и спускаюсь. В холле уже что-то случилось, горничная собирает с пола осколки. Осторожно переступаю, пока Никита смотрит на меня каким-то раздраженным взглядом.

— Поехали, — в приказном тоне.

Молча следую за ним в машину. Тянусь к ручке, но одергиваю руку, как ошпаренная.

— На переднее, — все так же зло командует он.

Послушно сажусь, а у самой руки дрожат. Да, Никита сейчас на взводе, ему несладко. Сейчас нас объявят парой и даже боюсь себе представить, насколько Никите будет сложно все это держать в себе. А сейчас я готовлюсь к тому, что он снова попросит меня отказаться. Или пустит машину с моста...

Но на мое удивление он молчит. С тревогой сжимаю ремень безопасности. Сразу с моста, без разговоров?

— Расслабься, — бросает на меня взгляд. — Выглядишь так, словно я машину сейчас с моста пушу.

Испуганно дергаюсь, уставившись на него. Он же шутит? Нет?

— Будешь делать, как я говорю, поняла?

Киваю.

— Правильно, при всех просто кивай. И не вздумай ни перед кем извиняться, а то опозоришь меня. Поняла?

— Да.

— Жесть, блин, — разочарованно бросает, отвернувшись от меня.

Как только машина останавливается у ресторана, Никита выходит. Открывает мне дверцу и подает руку.

Я должна вложить свою. От этого у меня по спине холодок бежит и руки, кажется, леденеют. Я должна к нему прикоснуться.

Но деваться некуда. А Никита уже начинает нервничать. Делаю судорожный вдох и вкладываю свою руку в его красивую, широкую ладонь.

Он не сжимает, держит аккуратно. Но лучше бы сжимал до боли.

Мне безумно страшно и неловко. Сейчас за дверью много людей, и все они сейчас будут разглядывать меня, оценивать, обсуждать.

Господи, дай мне сил пережить тот вечер.

Никита ведет меня внутрь, а я уже на грани обморока.

— Там не только те, кого я рад видеть, — зачем-то говорит мне Никита. — И не только те, кто рад видеть меня.

Киваю, давая понять, что слушаю.

— Голову выше подними. И смотри на всех так, словно это ты их сожрать хочешь, а не они тебя.

С ужасом смотрю на него. Зачем это? Сожрать? Все настолько плохо? В смысле?

— И если тебе говорят что-то лестно-вывернутое, не улыбайся, а представь, что они в дерьмо наступили и от них воняет.

— Это обязательно? — цепляюсь за рукав его пиджака.

— Обязательно.

Нет, я не переживу этот вечер.

Перед нами открывают двери и сразу на меня обрушиваются громкие звуки: музыка, голоса, стук каблуков, звон бокалов. Но всего лишь на пару секунд. Потом все это стихает, и все внимание обращается на нас.

— Дыши, пятнистая, — ухмыляется Никита, чуть наклонившись ко мне. — Долго веселье не продлится.

Какое уж тут веселье...

— Наконец-то, Никита, — идет к нам навстречу Валерий Сергеевич. Рядом с ним Нина Дмитриевна. — Дорогие гости, позвольте вам представить невесту нашего сына. Аврора, — слегка касается ладонью моего плеча, по отечески приобнимая.

Пытаюсь непринужденно улыбнуться. И как сказал Никита, держу голову выше. Только зачем всех сжирать, я не понимаю.

— Никита, дорогой, — пьяненько тянет какая-то женщина в красном. — Поздравляю! Наконец-то мы увидели твою невесту. Какая прелесть!

— Спасибо, Жанна, — улыбается Никита.

Мы проходим дальше и принимаем поздравления.

— Хм, ну, здорово, Некит, — протягивает руку какой-то парень. Никита безэмоционально пожимает. А парень тут же переводит взгляд на меня. И я не пойму, с насмешкой или любопытством он меня разглядывает. — А знаешь, я даже не удивлен. Своеобразная.

— Экзотика, — бросает Никита каким-то странным, немного агрессивным тоном. — А я смотрю ты бодрячком? Даже на своих двух.

— Уж точно не молитвами твоего друга.

— Тебя никто в тачку силой не сажал, Темыч. Хорош уже на Городка гнать.

— Никита, привет, дорогой, — повиснув на нем, расцеловывает его красивая девушка в очень открытом платье, а мне становится неловко. Хочется отвернуться, опустить взгляд, но я держусь. — А я слышала, что ты бунт устроил, думала, место вакантно.

Девушка оценивающе скользит по мне взглядом и я понимаю, что именно таким, словно это я наступила во что-то неприятное.

У меня внутри что-то сжимается, и это не ревность, на нее я не имею права. Это смесь обиды и непонимания. Как мне нужно на все это реагировать?

Поднимаю голову выше, так же говорил Никита? А губы слегка искривляются в подобии улыбки. Я смотрю на нее не как на соперницу, нет, мне нечего с ней делить, я не могу ни на что претендовать. Поэтому мне забавно, что она считает иначе. А еще от нее действительно неприятно пахнет, духи слишком приторные.

— Увы, это место официально занято, Саш, — усмехается Никита и кладет свою ладонь мне на талию.

А у меня аж кожа горит от его прикосновения. И чтобы не выдать свое состояние и не выглядеть глупо, я попросту утыкаюсь носом ему в плечо, прячась ото всех.

И тут же он притягивает меня к себе. Нет, я понимаю, что он делает это для родственников и всех присутствующих, но это никак не успокаивает мое колотящееся сердце.

Дядя тоже здесь, но внимания на меня не обращает. Я не расстраиваюсь, мне так даже легче, наверное.

Никита уводит меня к взрослым людям. Представляет меня Волковым, Красавиным, еще кому-то, но я уже не запоминаю. И на какое-то время мы уходим за столик, и нам приносят

еду. Даже съедаю порцию салата. Никита протягивает мне бокал, в котором пляшут пузырьки. Я сразу отказываюсь, мотнув головой.

— Я это не пробовала, и не хочу, — отвожу взгляд, продолжая перебирать еду в тарелке.

— Давай, Ава, так принято, — настойчиво все же вручает мне бокал. Заставляет выпить, хоть мне и не нравится этот напиток.

— Некит, салют, — присаживается к нам молодая пара. Он красивый блондин со шрамом на лице, а она с ярко-малиновыми волосами. С интересом разглядываю их. Такие интересные. Они не вписываются для меня ни в одну книжную пару, это любопытно.

— Здорово, Даник. Тебя батя что ли сюда пригнал?

— Да я как-то и не сопротивлялся. Чего дома сидеть.

— Арс на прием не приедет?

— Нет, ты ж знаешь нашего протестанта, какие приемы. А какого лешего ты нам торжественно не представляешь будущую Осипову, кстати? Привет, я Даниил, — тянет мне руку, но Никита шлепком ударяет по ней.

Я напрягаюсь, а вот Даня смеется. Это какая-то шутка была? Или Никита надеется, что свадьба все же не состоится? Ничего не понимаю.

— Я ж чисто поддержать, Оси.

— Не свадьба, переживу.

А, вот теперь понятно. Он просто раздражен, что все поздравляют его с тем, чему он не рад.

Никита берет оливку и засовывает в рот. Сначала морщится, но потом дожевывая, проглатывает. Хмурится. Тянется еще за одной.

— Ты че, болезный, делаешь? Ты ж не любишь их, — вздергивает бровями Даниил.

— Походу начинаю стареть раньше времени, — недовольно отвечает Никита, швырнув на стол смятую салфетку. Залпом осушает свой бокал и тут же берет второй. Не хорошо это...

Глава 11

(Аврора)

Сажу за столик и нервничаю. Никита налегает на напитки, а рядом с ним снова та девушка.

— Никит, — ведет пальчиком по его плечу. — Мои родители говорят, ты устало выглядишь. Я с ними согласна. А мне привезли новое кресло для йоги. Испытаем?

— Это которое тантра? — усмехается, ведя по девушке слегка затуманенным взглядом. Он смотрит на нее не так, как на меня, совсем иначе.

— Да, расслабишься, — Саша прикусывает губу, медленно кивает. А потом, улыбаясь, переводит взгляд на меня. — Не думаю, что твоя невеста будет против, она такая милая. Аврора, ты же не против?

Не хочу, чтобы Никита снова злился или думал, что я буду вмешиваться в его жизнь. Я обещала не мешать. Поэтому отрицательно дергаю головой.

Саша что-то шепчет на ухо Никите и тот хмурит брови, бросив на меня взгляд.

— Договорные браки — сложная вещь, правда же, Ава? — снова улыбается мне девушка. — Но ты все правильно делаешь. Никите будет с тобой комфортно.

А когда музыка меняется на медленную, Саша встает и тянет Никиту за руку. Он не сопротивляется. Мне неприятно наблюдать, как он смело прикасается к ней, как водит руками по открытой спине, опускаясь все ниже. Нет, я не должна ничего чувствовать. Отворачиваюсь и неожиданно ловлю на себе взгляд друга Никиты, Тимофея, кажется. Склонив голову, улыбаюсь. Чувствую себя некомфортно. Не знаю, куда себя деть.

После танца Никита подходит к столику и, опустошив очередной бокал, наливает себе еще.

— Никит, пожалуйста, не надо больше, — тихо прошу его.

Он садится, придвинув стул ближе ко мне. От него пахнет ее духами. Неприятно.

— Слушай, ты же сама говорила, что не станешь мешаться мне, так?

Киваю.

— Тогда давай так. Ты возьмешь водителя и покатаешься по городу часок. А потом меня подхватишь и мы вместе приедем домой. А родителям говорить об этом не будем, лады?

И я бы кивнула, но мне не нравится эта идея.

— Слушай, устрица, ты же тоже устала. А родителям я скажу, что мы сваливаем. И ты же не хочешь, чтобы я сейчас неадекватно врубил? А мне до него пару бокалов всего осталось.

— Не хочу.

— Ну вот и ладушки. Тогда на созвоне.

Он уходит к родителям, а я беру свою сумочку и иду к выходу. Почему-то очень хочется плакать. Выхожу на крыльцо ресторана, пытаюсь делать глубокие вдохи, чтобы не расплакаться. На улице тепло, но мне снова холодно. И почему-то очень больно в груди.

На плечи вдруг ложится теплый пиджак. С надеждой оборачиваюсь, но быстро разочаровываюсь, видя не Никиту.

— Тоже стало душно? — усмехается Тимофей, кивнув на двери ресторана. — Акулы бизнеса, лицемеры, просто сучки. Сборище ублюдков.

Смотрит куда-то вдаль.

Хочу снять с себя его вещь и вернуть, но он снова заговаривает:

— Тебя, кстати, хотели отдать мне. Но Осиповы оказались более выгодными партнерами. А жаль, ты мне понравилась.

В груди начинает ворочаться что-то неразборчивое, похожее на сомнения.

— Мы для предков просто активы. Иногда это неприятно, не находишь?

Киваю. Наверное, так и есть. И да, это неприятно.

— Слушай, мне так не хочется возвращаться. Может, прогуляемся немного? Обещаю вернуть тебя в целости и сохранности. Хочется поговорить с кем-то по душам. Мой вечер сегодня тоже не задался.

Никита сам попросил меня уйти. Ничего же плохого не случится, если мы просто пройдемся? Я не хочу сидеть в машине целый час. И Тимофей вполне вежливый и, кажется, неплохой.

— Хорошо, — киваю.

И мы уходим по пешеходной улице в сторону парка. Медленно идем, а Тимофей болтает о погоде, работе, учебе, о людях.

— А предатели даже в семье случаются. У меня сестра кинула всех ради какого-то отребья, представляешь? Хотя нет, уже не так. Он внебрачный сын из богатой семьи, но даже это его не спасает. Он не привык жить среди людей, хуже Маугли, представляешь? Даже ради своей жены не хочет вливаться в общество. А она терпит, дура.

— Может, она его любит?

— А за что таких любить? За то, что они другим жизнь ломают? За то, что лезут, когда их не просят? Его ненавидят, а он все равно свое гнет.

Он рассказывает, а мне кажется он не о каком-то другом человеке говорит, а обо мне. Я ведь тоже остаюсь, хоть меня и не просят. Меня тоже ненавидят, а я все равно ломаю ему жизнь.

— А что бы было, если бы он отказался от твоей сестры?

— Все были бы счастливы, поверь.

— А она?

— И она в том числе, просто она глупая и не понимает этого. Надо смотреть на факты, а не надеяться, что случится чудо.

— Смотреть на факты... — тихо повторяю.

А по факту Никита не будет счастлив, если я буду надеяться на чудо. Мне нужно от него отказаться?

— А хочешь горячий шоколад? Здесь недалеко есть просто отпадный, ты будешь в восторге, клянусь, пошли?

Улыбнувшись, киваю.

Мы садимся за столик. Здесь так уютно, комфортно, приятная обстановка. Я даже немного расслабляюсь. Ненадолго отлучаюсь в уборную, а когда возвращаюсь, на столике уже угощения. А шоколад действительно потрясающий, такой сладкий, густой, насыщенный, что каждый глоточек дарит радость. Он согревает, вытесняя из меня холод, который сковал еще в ресторане.

— Ты очень красивая, Ава, — смотрит мне прямо в глаза. — Надеюсь, мы подружимся и как-нибудь выпьем еще по чашечке?

— Возможно, — опускаю взгляд в свой стаканчик. Он говорит приятные слова. В нем нет столько ненависти, сколько в Никите.

И я даже не знаю, как принимать такие слова в свой адрес, мне непривычно, но приятно.

— Расскажи мне что-нибудь о себе? Чем увлекаешься?

Поднимаю глаза. Ему правда интересно?

— Я хочу пойти учиться на реставратора. Мне очень нравится. И рисовать люблю.

— Серьезно? Вот это действительно круто! Ты такая необычная, как и твое имя. Еще и реставратор. Мне кажется, я когда-нибудь увижу твое имя в заголовках каких-нибудь крутых журналах об искусстве.

— Спасибо, — впервые за этот вечер искренне улыбаюсь.

Я делаю еще глоток, а потом вдруг вспоминаю о времени!

Достаю телефон и с ужасом вижу на экране кучу пропущенных от Никиты. И времени прошло уже больше часа. Начинаю волноваться. Даже я бы сказала, паниковать. Что делать?

— Ава, что-то случилось?

— Мне пора, Никита звонил.

Я вскакиваю, но Тимофей на секунду касается моей руки.

— Он тот еще псих. Слушай, не хочу, чтобы у тебя были проблемы. Тем более, что это я тебя увел. Давай так, я позвоню ему сам и скажу, что все хорошо. Не переживай, — подмигивает мне и прикладывает свой телефон к уху.

Я нервно прикусываю изнутри щеку. Сердце колотится, но я замираю.

— Здорово, Никитос. Невесту потерял?

Сжимаю в руках ремешок сумочки. Вокруг нас негромко, но голоса Никиты я не слышу.

— Да не кипятись ты. Она в безопасности, со мной, — довольно улыбается, слушая, наверное, очень злого Никиту. — Никитка-Никитка, да брось, ты сам оставил ее без присмотра. Она очень милая, мы просто немного поболтали. Я ее не обижу. Нет, я сам привезу, не напрягайся.

Сбрасывает трубку, хотя голос Никиты все еще раздается из трубки.

— Не переживай Ава, я отвезу тебя. И запиши мой номер, если вдруг Никита перегнет палку. Ну или что-то понадобится. Я, как друг, тебе всегда помогу.

Киваю. Но на сердце мне ой, как не спокойно.

Глава 12

(Никита)

— Никит, поехали, — гладит мое плечо.

А я уже в хлам, да. Смотрю на пальцы с красным маникюром. Потом поднимаю голову. Тупо смотрю на оттюнингованное лицо. Губы, скулы, ресницы. Красиво. Но я это уже видел тысячу раз.

— Ты кто? — вырывается у меня.

Нет, я знаю, что это Саша Чернова, дочь партнера отца. Просто... Какая нахрен разница, Саша, Даша, Маша, если они один хрен на одно лицо. Вздыхаю. А раньше меня это заводило. Достāju телефон.

— Городецкая морда?

— Я, мой, хороший, вещай, — отвечает быстро.

— Вот ты работаешь на своем месте, да?

— Есть такое! — веселится, сволочь.

— Ну и работал бы там. Какого хрена ты в психологи заделался, а?

— О, обнова накатила? — угорает. Ну-ну, весело ему, а вот мне нифига теперь не весело. — Не парься, Оси, это начало, дальше еще веселее пойдет.

— Ну ты тварь, Городецкий. Всю понятку мне испоганил. Че теперь делать с новой версией? Инструкции, лайфхаки?

— Кайфуй, Никитка, все норм.

— Норм? Вообще нет, Арс! Во-первых, она меня бесит. Во-вторых, она меня бесит. А в-третьих...

— А в-третьих, ты ей тоже не нравишься, Никит, — влезает в разговор Саша.

Замираю. Швыряю телефон на стол, экран гаснет.

— Чего? — не вкуриваю за такую тему.

— Иначе она не ушла бы. У нее же все на лице написано.

Начинаю вертеть в башке все ее реакции на меня. Она же реально пугается от меня, не разговаривает, избегает, ей реально на меня наплевать. И сейчас поэтому ушла? Даже слова не сказала, хотя должна была! Я ж, блин, этот, как его... жених, вот!

Ей реально пофиг.

— Никит, поехали, время идет, а у нас еще кресло не опробовано.

Скидываю с себя руку Саши и хватаю телефон. Она там совсем охренела? Вот так просто куда-то слиняла?

Набираю устрицу, но она не отвечает. Реально игнорит, охренеть!

Делаю еще попытку. Ага, соси чупа-чупс, Никитка.

— Никита, — лезет мне языком в ухо Саша.

— Да отвали ты! — дергаю головой.

— Ты из-за нее так распереживался? — обиженно дует губы.

Я не переживаю. Я же не переживаю? Тру лицо ладонями. Черт, черт, черт!

Вскакиваю со стула, тот летит назад, опрокидываясь. Выхожу из ресторана, на ходу натягивая пиджак. Торможу. Не понял...

Подхожу к нашему водиле. Почему он здесь? Отвез домой и вернулся? Не было таких распоряжений.

— Где Аврора? — бросаю ему.

— Никита Валерьевич, она не села в машину.

— Как это, мать твою, не села? — взрывает меня.

Тот пожимает плечами.

От злости пинаю колесо машины. Не села она, блин!

Где ее теперь носит?

Ментов что ли вызывать? Капец, родаки меня живьем ведь сожрут.

Набираю ее еще раз. Не берет, мать вашу!

То есть реально забила?

Меня прямо выносит из себя, чувствую, как по венам лава прет.

А потом охреневаю еще больше, увидев на экране входящий от Ларского. Мы давно не общаемся после их терок с Городецким.

— Здорово, Никитос, — елейным голоском, тварь. — Невесту потерял?

Ах ты ж, мразина!

— Где она?

— Да не кипятись ты. Она в безопасности, со мной.

— Какого хрена, Ларский! Это МОЯ невеста! Я тя урою, клянусь!

— Никитка-Никитка, да брось, ты сам оставил ее без присмотра. Она очень милая, мы просто немного поболтали. Я ее не обижу.

— Адрес!

— Нет, я сам привезу, не напрягайся.

Вот черт хромоногий! Мало ему? Ща я добавлю.

Прыгаю в тачку.

— Домой, быстро, — рывкаю водиле.

Я реально debil, не спорю. Сам навешал на нее ярлыки в первый же день, а сорвать так и не удосужился. А она теперь с другими гуляет. Невеста хренова!

Стою возле ворот, нервно сминая пачку в руке. Сплюываю под ноги, замечая приближающуюся машину. Полюбас Ларский катит, чудила, мать его!

Тачка тормозит. Подхожу дергаю за ручку.

— На выход! — рывкаю на Аву.

Вздрагивает от моего голоса. Сидит, она, блин, сложив ручки на коленях, словно не случилось ничего. Как будто это нормально, уйти с помолвки с чужим мужиком.

Выходит. Ее губы испуганно дергаются. А меня прям трясти начинает. Не дай бог он касался ее! Дышу как зверь из преисподней.

Еще и в его пиджаке.

Срываю с нее эту тряпку и швыряю Ларскому. Тот довольно посмеивается, комдом штопаный!

Руки чешутся ему пасть поправить, но на нашу улицу сворачивает еще одна тачка. Походу, родаки уже катят.

— В следующий раз закопаю! — цежу сквозь зубы.

— Идет. Но в следующий раз уже не верну, — усмехается, козлиная.

Хлопаю дверцей. Жалко стекла не посыпались.

— В дом!

Молча поднимаемся к себе в комнату. Но кто бы знал, чего мне стоит сдерживать себя и не придушить ее прямо на этой лестнице. Пальцы сжимаются и разжимаются, челюсть сжата до скрежета. Закрываю за нами дверь, шелкаю замок.

Медленно разворачиваюсь, снимаю пиджак. Она стоит у стены, как тень.

— А ну-ка объясни-ка мне, какого хрена ты села в тачку Ларского, а? — надвигаюсь на нее.

Ладно бы Красавчика или Волковских, но нет, в тачку Ларского!

Вздрагивает, делает шаг назад и упирается в стену. Пальцы сжимают ткань платья.

— Скромница, мать ее, только посмотрите!

— Прости, я не хотела, — утыкается взглядом в пол.

— Не хотела? — нависая над ней, упираюсь ладонью в стену.

— Это как называется, а? Тебя любой пальцем поманит, а ты нехотя пойдешь?

— Нет, все было не так! — поднимает на меня испуганные глаза. — Ты меня сам выгнал. Посмотрите-ка голос прорезался!

Хватаю ее за подбородок и фиксирую затылком к стене. В ее глазах стоят слезы. А меня, как дебила, прет от того, как чувственно это вглядит. Смотрю на ее чуть распахнутые губы. Провожу большим пальцем, а они мягкие, очень нежные, и меня торкает еще больше. И веснушки ее золотистые торкают какого-то хрена.

Она молчит. И дышит так... что мне крышу рвет на волнах еще не угасшего адреналина.

— Он трогал тебя?

Молчит.

Не сводя взгляда с ее распахнутых губ, подаюсь вперед. Но вместо того, чтобы врезаться и утонуть в поцелуе, она вскрикивает и дергается в сторону.

— Охренеть, вот так, да?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.